

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

На правах рукописи

ЖЕНСКАЯ ПРОБЛЕМА В КУЛЬТУРЕ: НАПРАВЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Специальность: 6219.01 – Культурология и ее
общие вопросы

Отрасль науки: – Искусствоведение

Соискатель: **Алиева Садагат Агасафар кызы**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора наук

Баку – 2024

Диссертационная работа выполнена на кафедре «Социально-культурная деятельность» Азербайджанского государственного университета культуры и искусств Министерства образования Азербайджанской Республики

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Тимучин Ильяс оглы Эфендиев

Официальные оппоненты: доктор культурологии, профессор
Чингиз Али оглы Абдуллаев

доктор исторических наук, профессор
Фуад Тейюб оглы Маммадов

доктор искусствоведения, доцент
Вафа Ханоглан оглы Алиев

доктор культурологии, доцент
Наталья Владимировна Синявина

Разовый Диссертационный совет BED 2.35, созданная на базе Диссертационного совета FD 2.35 Высшей Аттестационной Комиссии при Президенте Азербайджанской Республики, действующий на базе Азербайджанского государственного университета культуры и искусств

Председатель

диссертационного совета: доктор искусствоведения, профессор
Марьям Али кызы Али-заде

Ученый секретарь
диссертационного совета:

доктор философии по
искусствоведению
Гульнара Карим кызы Гусейнова

Председатель научного
семинара:

доктор культурологии, доцент
Ильгар Хасрат оглы Гусейнов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность и степень разработанности темы. В азербайджанской культурологии наблюдается явный дефицит работ, в которых, на основе теоретических парадигм и моделей, выходящих за рамки традиционных представлений, подробно анализировались бы общечеловеческая культура и ее составная часть – национальная культура. Можно также констатировать недостаточное количество исследований, представляющих новые знания с точки зрения многообразия проблем и разнообразия смыслов. С другой стороны, значительно увеличилось количество исследований, копирующих и повторяющих друг друга по своему содержанию, стилю и методическому аппарату. Примечательно, что, по обыкновению предпочитают писать о функциях культуры в рамках темы традиции и новаторства в ней. В последние годы также стало модным обращаться к темам, в которых или превозносятся процессы глобализации, или же драматизируются угрозы, исходящие от них. В то же время следует подчеркнуть, что гендерная проблематика в последние двадцать лет привнесла в азербайджанскую культурологию новое риторическое содержание.

Несмотря на то, что наша национальная культурология и находится под влиянием западной и российской культурологии, однако, большинство исследователей все еще далеки от разрешения парадоксов, выявления сомнительных фактов и объяснения этнографических и исторических событий Азербайджана, опираясь на разные современные научные теории и концепции. Даже в работах, разрабатывающих те или иные вопросы культуры с точки зрения гендерных отношений, почему-то редко можно обнаружить новые сведения и идеи.

Таким образом, несмотря на обилие культурологических исследований, особенно много появившихся в период независимости, этот количественный избыток, к сожалению, не сопровождается соответствующим числом инновативных суждений и качеством научных выводов. В то же время

фактическое застойное состояние культурологии при большом интересе и внимании современных СМИ, социо-гуманитарных наук и философии к ней вызывает своеобразный диссонанс. Заурядные, научно несостоятельные «экспертные» мнения специалистов, представляющих культурологию в печати, на радио и телевидении, являются своего рода отражением существующего когнитивного пробела в этой области.

Другое исследовательское направление нашей темы связано с женскими проблемами. Ввиду этого следует подчеркнуть, что в Азербайджане также интенсивно, как и исследования в области культуры, изучаются женские проблемы. Однако, с сожалением приходится отметить, что по сравнению с исследованиями, проводимыми на Западе, пока не слишком заметны внедрения новых идей, новых взглядов и, как следствие, новых знаний в исследованиях, проводимых в этом направлении в Азербайджане.

Аналогичную печальную ситуацию мы наблюдаем и в гендерных исследованиях. Это новое течение было в известной степени «экспортировано» с Запада, чтобы открыть в Азербайджане новые перспективы и актуализировать новые парадигмы в философии, культурологии и в разных гуманитарных науках. Включение гендерологии, вошедшей в общественный и научный дискурс Азербайджана за последние 30 лет в контексте социологических и культурологических наук и имеющей в значительной степени междисциплинарный характер, в учебные программы, свидетельствует о ее стремительной популяризации. Однако, к сожалению, гендерные исследования, направленные на изучение различных небιологических (социальных) аспектов отношений между мужчиной и женщиной, в нашей стране подверглись существенной тривиализации. Иными словами, большинство появившихся в нашей стране многочисленных работ на эту тему, написанных в традиционном ключе, как правило, полностью пренебрегают новыми парадигмами. Либо же, механически перенимая теоретические знания, выдвигаемые в области гендерологии, представляют начетнические

исследования, имеющие низкое эпистемологическое значение и не содержащие новые выводы и заключения.

По этой причине возникает серьезная потребность в исследовании многочисленной проблематики Азербайджанской гендерологии на основе новых теоретических подходов и в написании эвристически действенных работ. Революционные изменения, регулярно происходящие в любой области науки и названные Томасом Куном парадигмой, открывают дорогу новым идеям и подходам в этой науке. С этой точки зрения усвоение новых культурологических парадигм и применение актуализированных в их рамках концептуальных идей к изучению социальных и культурных событий и процессов Азербайджана является одной из фундаментальных задач, стоящих перед Отечественной культурологией. В этом смысле особую важность приобретает проведение исследований в контексте гендерной культурологии, возникшей на стыке культурологии и социологии.

Следует отметить, что любая наука регулярно сталкивается с кризисными ситуациями, которые сопровождаются либо процессом замены когнитивно устаревшей парадигмы, существенно утратившей свою прежнюю эпистемологическую эффективность, на новую, либо обогащением когнитивного и познавательного арсенала указанной парадигмы. На мировом уровне выходом из кризиса культурологии (или социальной антропологии) является, с одной стороны, создание новых концепций восточных и африканских культур, основанных на новых парадигмах, а с другой стороны – новые интерпретации, изложения материалов перечисленных культур.

В данном случае мы полагаем, что рассматривание феномена женщины в культуре в качестве начала, «провоцирующего» различные смыслы и ситуации, позволяет значительно обогатить культурологию эпистемологическими новшествами и существенно расширить ее научную семантику. Не следует забывать, что азербайджанская культурология еще не получила «тектонические сотрясения» от проблем, определяемых женским миром, и еще не испытала «теоретического

возбуждения», «теоретического сдвига», возникающего от феноменов женщин и детей.

При формировании культурной мысли в Азербайджане в XX веке естественно, на первый план вышли тревоги по поводу женской судьбы и прав женщин. Разумеется, забота о женщине, беспокойство, связанное с женской участью, весьма характерны для азербайджанской науки и искусства. Но когда мы говорим «теоретическое возбуждение», «теоретическое сотрясение», мы выделяем другой аспект. Исследования и размышления о женских проблемах еще не привели к созданию у нас столь серьезных терминологических, категориальных, когнитивных систем, способных, в свою очередь, потрясти и взбудоражить всю культурологическую систему мысли. Тогда как в основе научных инноваций лежат подобные «встряски». В целом в наше время женщины не только не потеряли свое значение в качестве предмета науки, наоборот, их актуальность как предмета социокультурных феноменологических исследований возросла в десятки раз.

Актуальность той или иной темы измеряется ее познавательной привлекательностью, важностью, шириной семантического охвата. В основе национальной культуры и менталитета лежат отношение к женщинам, и вместе с тем отношение женщин к мужчинам, детям, дому и социальному пространству. Необходимость этого феномена сказывается и в том, что устранение или серьезное ослабление женских проявлений, то есть метаморфозы и трансформации представлений о женщине, приводят к коренным изменениям во многих областях культуры.

Таким образом, как мы предполагаем, исследование нашей диссертационной темы в контексте азербайджанской гендерной культурологии представляет весьма большую научную ценность, необходимость и значимость. Ведь изучение смыслов и значений женщины как социального существа в сфере культуры, равно как и феноменологических характеристик женского социокультурного мира на стыке теоретических знаний гендерологии и культурологии способствует решению

важных познавательных задач. В то же время закладывается необходимый эпистемологический фундамент для более обстоятельных исследований в будущем путем перенесения аспектов женского феномена, рассматриваемых в сочетании с различными областями азербайджанской культуры, на плоскость научного исследования в свете новых теоретических знаний.

Проблема женщины в культуре, конечно, не новая тема для культурологии. С XIX века женщины, и как субъект, и как объект действий, породили феномен феминизма, преобразовавшего весь мир. В конце того же века женщина стала одним из главных критериев демократической мысли. Именно подход к женскому вопросу теория и практика демократии подвергались к проверке с первых шагов. Что же касается модернизационных процессов Ближнего и Дальнего Востока, то и здесь права и свободы женщин предстали главными средствами и целями. Женские свободы вначале привлекли внимание как средство модернизации, и лишь затем были реализованы. В то же время, когда возникла необходимость обосновать модернизацию как положительную ценность, женская эмансипация, т.е. раскрепощение, привлекалась к полемике как один из основных и весомых аргументов.

Таким образом, женская личность и символ брались в качестве движущей силы процесса эмансипации, модернизации, а с другой стороны, ставились целью привлечения и инициирования реформ. Во всем творчестве просветительно-демократических идеологов Азербайджана женская свобода предстала в обеих ипостасях, то есть как средство и как цель. Уже на этом этапе подход к женской свободе как к необходимости стал излюбленной темой зарождающегося национального культурологического мышления.

Это можно найти в выступлениях всех наших выдающихся мыслителей конца XIX - начала XX веков, связанных с вопросами женской свободы и возвеличивания женщины как социального явления. Большинство этих выступлений нашло

свое выражение в форме и образе художественного слова в театре, карикатурах в журнале «Молла Насреддин», в прозе и поэзии. Наряду с этим в публицистике таких мыслителей, как Ахмед бек Агаоглу, Мамед Эмин Расулзаде, Али бек Гусейнзаде, Шафика Ханум Эфендизаде, Мирза Джалил, также можно найти немало статей на указанную тему.

Во многих произведениях Ахмед бека Агаоглу женские проблемы часто затрагивались в плоскости модернизации. Феминистские идеи можно найти повсюду в таких произведениях автора, как «Страна свободных людей», «Мятеж или революция». Однако в то же время он также писал и публиковал отдельные статьи на женскую тему. Статьи «Женщина по исламу и в исламе»¹ и «Иранская женщина»² являются в этом смысле показательными.

Шафика Ханум Эфендизаде, ярая пропагандистка женской эмансипации, довольно активно публиковалась в прессе.³ Очень интересно, что Мирза Джалил в своей статье, опубликованной в 1918 году, дал название, согласно европейской традиции, «Вопрос о женщине» (“Arvad məsələsi” – буквально «Бабий вопрос»).⁴ Правда, в наши дни режет слух употребление слова «баба» (“arvad”) вместо «женщина» (“qadın”). Но следует учесть, что языковая реформа великого сатирика противопоставляла довольно сложным лексико-грамматическим текстам средневековья и журналов, подобных «Фиюзат», разительно отличающимся от современного азербайджанского языка, разговорную речь простого народа. Прошло время, и уже в 1928 году Мирза Джалил в своей статье «Мирза Фатали Ахундов и

¹ Ağaoğlu, Ə.H. İslama görə və İslamda qadın // – Bakı: Ulduz, – 1990, №3, – s. 68-80

² Ağayev, Ə.H. İran qadını // – Bakı: Xəzər, – 1990, №2, – s.92-95

³ Cəfərov, N.Z. Milli-ictimai fikir tariximizdən: 1914 fevral – 1917 / N. Cəfərov. – Bakı: Azərbaycan dövlət nəşriyyatı, – 1993. – s. 26

⁴ Məmmədquluzadə, C. Əsərləri: [6 cildə] / C. Məmmədquluzadə. – Bakı: Azərbaycan dövlət nəşriyyatı, – c. 6. – 1985. – s. 42

женский вопрос» буквально заменил «бабий вопрос» (“arvad məsələsi”) на более культурную форму.⁵

В целом, с конца XIX века до конца XX века азербайджанская наука и искусство рассматривали женщину как объект угнетения и видели свою миссию в том, чтобы отстаивать ее права и интересы. В указанный период марксистско-ленинские идеи предпочитали подчеркивать социально-экономические детерминанты, лежащие в основе угнетения женщин. Дореволюционная же публицистика отталкивалась от парадигмы просвещения: она видела в предрассудках коренную причину угнетения женщин и, исходя из этого, говорила о необходимости модернизации. Хотя в отличие от советской эпохи, предрассудочные предпосылки угнетения женщин не побуждала таких мыслителей, как Агаоглу, искать вину в исламе или в другой конкретной религии. Марксистский же атеизм, обращаясь к социально-экономической и классово-моральной характеристике проблемы, выстроил целую иерархию причин и обстоятельств угнетения женщин. При этом то же воззрение стремилось доказать, что эксплуатация женщин переплетается с притеснением со стороны религии.

Таким образом, изучение научной и публицистической литературы по женской проблеме в Азербайджане позволяет выявить две важные линии. Одна линия – это художественные и научные произведения, защищающие права женщин, а другая – произведения, прославляющие ее человеческое достоинство. Однако в период, когда возник интерес к женщинам в азербайджанской литературе, истории и культурологии, на Западе последовали другие поиски. Можно предположить, что в те времена наше научное мышление еще не обладало соответствующей интеллектуальной подготовкой и опытом для решения задач, актуализированных современной ему западной феминистической идейно-политической традицией. Хотя в

⁵ Məmmədquluzadə, С. Əsərləri: [6 cilddə] / С. Məmmədquluzadə. – Bakı: Azərbaycan dövlət nəşriyyatı, – с. 6. – 1985. – s. 76-81

начале XX века в журнале «Дирилик» появились статьи, информирующие нашу общественность о феминизме в Европе. В этом печатном органе имелась даже рубрика «Известные женщины», в которой исторические женские личности, отличавшиеся своими знаниями и активностью в европейской традиции, приводились в качестве примера для современных женщин.⁶ Тогда же на Западе Морганом, Энгельсом, Зигмундом Фрейдом, Вильгельмом Райхом и другими были выдвинуты многие идеи теории матриархата.⁷

В указанное время начали распространяться и представления о значимости женщин в культуре. Согласно этим мнениям, в основе разнообразия в обществе и культуре лежат, помимо прочего, также гендерные различия. Маргарет Мид этот взгляд изложил следующим образом: различие между полами является основой для создания разнообразия в культуре.⁸ Отсюда на первый план выходит вопрос о роли женщин в этих разнообразиях. Для того чтобы понять эти различия, на Западе была поставлена проблема социальных ролей мужчины и женщины.⁹ При этом вопрос о социальных ролях, характерных для женщин и мужчин, трактовался таким образом, что разница между полами во многих случаях сводилась не к биофизиологическим свойствам, а к различиям социальных ролей. В азербайджанских же исследованиях связь между гендерными различиями и социальными ролями стали рассматривать лишь в XXI веке.¹⁰

⁶ Cəfərov, N.Z. Milli-ictimai fikir tariximizdən: 1914 fevral – 1917 / N. Cəfərov. – Bakı: Azərbaycan dövlət nəşriyyatı, – 1993. – s. 34-37

⁷ Women's History in Global perspective: [in 3 vol.] / Edited by Bonnie G. Smith. – Champaign: University of Illinois Press, – vol. 3 – 2005. – s. 7-8

⁸ Фридан, Б. Загадка женственности: Пер. с англ. / Б. Фридан. Вступ. ст. О.А. Ворониной. – Москва: Прогресс; Литера, – 1994. – s. 24

⁹ Barnes, A. The Handbook of Women, Psychology, And the Law / A. Barnes. – New York: John Wiley and Sons, – 2005. – s. 11-14

¹⁰ Абасов, А.С. Проблемы истории, теории и методологии познания / А. Абасов. – Баку: ЭЛМ, Ени Несил, – 2001. – s. 21-23

Разница между социальными ролями в гендере, по сути, не только дает теоретический инструмент для размышлений о культурном различии полов, но и открывает перспективы для исследования такой темы, как порождение женщинами свойственных им ситуаций в культуре. Однако, к сожалению, приходится отметить, что, хотя азербайджанская культурология знакома с этой идеей, до сих пор отсутствуют исследования, посвященные ситуациям, порождаемым социальными ролями женщин в культуре. Тогда как матери королей и принцесс, поэтессы, суфийские женщины являлись не только представительницами прекрасного пола. Они также приспособивались к определенным социальным ролям, как говорят, надевали своего рода социальные маски. Значит, было бы полезно изучать известных женщин Азербайджана и с этой точки зрения. Однако результаты западных исследований в этом вопросе не очень радужны. Хотя постановка вопроса об основах женских социальных ролей заложены на Западе, изучение этой проблемы применительно к конкретным людям не получило широкого распространения.

Одним из вопросов, интересовавших нас в диссертации, были женские архетипы как в мировой культуре, так и в Азербайджане.

На наш взгляд, к линии развития, начинающейся с учения Юнга, можно добавить и культурологизацию архетипов. Культура – это не только система пространства и инструментов для осуществления психологического мира женщин, а также детей и мужчин. Образовавшаяся в культуре пространственная и структурная сеть также выстраивает в ряд многочисленные средства сопротивления, направленные против самореализации архетипов. Феминистка Бетти Фридан, раскрывая эту проблему в своей книге «Загадка женственности»¹¹, пытается доказать, что культура является источником трудностей и преград, препятствующих женскому счастью и желанию жить

¹¹ Фридан, Б. Загадка женственности: Пер. с англ. / Б. Фридан. Вступ. ст. О.А. Ворониной. – Москва: Прогресс; Литера, – 1994. – 496 с.

полноценно. Вот почему женские архетипы, или, вернее, архетипические, т.е. отчетливо воплощенные в архетипах жизнедеятельности женщин проходят через различные напряженные взаимодействия с культурой и социальным миром. В этом процессе женщины создают новые ситуации в разных сферах – от одежды до выбора место жительства, от стереотипов социального поведения до норм опрятности и чистоты. Благодаря действиям женщин на протяжении всей истории старые явления культуры обогащались новыми значениями и семантическими оттенками. В этом смысле для нашей темы ценны не только изыскания в жанре «женщины, изменившие мир» или «славная история женщин».

Предмет нашего исследования предполагает в числе важных исследовательских задач обобщение в типологических моделях всего того, что привносят в наш мир обычные архетипические женщины. Этот вопрос как новая проблема на Западе был поднят Джин Шинода Болен¹², под влиянием Карла Юнга и спустя долгое время привлек внимание российских женщин-исследователей.¹³ Однако в итоге российские специалисты никаких серьезных новшеств в теорию Болена не привнесли; ими были написаны статьи, лишь популяризовавшие данную теорию. Тогда как теория архетипов, связанная с женщинами, со временем еще больше совершенствовалась на Западе. Например, Мини С. Джонсон в своей книге взяла знаменитые женщины иудео-христианской истории в качестве архетипов и идентифицировала современных американских женщин с ними. Таким образом, мать пророка Моисея Йохевед отождествлялась

¹² Болен, Дж.Ш. Богини в каждой женщине: Новая психология женщины; Архетипы богинь / Дж.Ш. Болен. – Москва: Издательство София: – 2007. – 272 с.

¹³ Бедненко, Г. Открой в себе богиню: образы греческих богинь – роли и сценарии поведения современной женщины: [Электронный ресурс] / – 5 сентября 2017. URL: http://pryahi.indeep.ru/psychology/jungian/artemida_mine.html

с Эбигейл Адамс. Последняя же считается матерью-основательницей американской нации (мать Америки).¹⁴

У Юнга и его последователей-феминисток архетипы наполняются мифологическими персонажами. А Мини С. Джонсон, воплотив в этих архетипах знаменитых женщин нации и культуры, для познания своих современниц использует десятки аналогий. Вот почему мы утверждаем, что Джонсон обогатила теорию архетипов своими дополнениями.

В диссертации нами поднят вопрос о характере участия женщин в семиозисе. Для справки отметим, что семиозис относится к процессу возникновения или создания смыслов. Этот процесс изучается в семиотике, хотя не так широко. Однако этого нельзя сказать о роли женщин в семиозисе. Женский семиозис в культуре означает, что женщина как одновременно биофизиологическое и культурологическое существо лежит в основе определенных актов семантизации. Семиозис в этом значении в качестве термина предлагается именно в нашей диссертации, хотя означаемый им процесс всегда присутствовал в истории и во всех типах общества. Например, феминизм на протяжении XIX-XXI веков вел борьбу за свои идеалы и идеологию на всех фронтах. Одним из таких фронтов является семиозис. В процессе семиозиса феминизм занимается теоретическими и практическими исследованиями, чтобы изменить значения или создать новые значения с целью преобладания женщин или равенства их с мужчинами. Обратим внимание на следующий пример. Элис Киф в своей книге «Женское тело и социальное тело у Исайи» в плане семиозиса фактически обвиняет еврейского пророка Исайю. Автор при этом указывает, что, называя Израиль прелюбодейной женой Яхве, этот пророк выставляет женщину в негативном свете, превращая ее в низшее, провинившееся существо.¹⁵ Тем самым

¹⁴ Johnson, M.S. *Women in Christianity* / M.S. Johnson. – New Delhi: Mittal Publications, – 2005. – s. 13

¹⁵ Keefe, A.A. *Woman's body and the social body in Hosea* / A. Keefe. – London: Bloomsbury T&T Clark, – 2002. – s. 9-10

автор, противостоя акт семизиса, направленному против женщин в иудаизме, выдвигает в качестве альтернативы собственный взгляд и критику и тем самым активизирует женский семизис.

С самого начала движения за права женщин идея, связанная с семизисом, заключалась в том, что закрепощение женщин также препятствовало им стать активными субъектами семизиса. Как продолжение этой традиции, все движение феминизма, с одной стороны, при осмыслении мира и культурных событий стремилось показать, что женщины обладают большим потенциалом, а с другой стороны, интерпретировало репрессирование патриархальной культурой женщин как страх именно перед этим потенциалом. В одной работе по женской истории указывается, что, хотя в патриархальный период женщины экономически подчинялись мужчинам, они продолжали быть зрителями, шаманами, представительницами бога-матери и священнослужителями. Так продолжалось до тех пор, пока цари не подчинили божество-мать мужскому божеству в качестве его жены. Победа патриархата случилась тогда, когда древние евреи преобразовали представление о Боге-мужчине в единого Бога.¹⁶

В современной науке семизис рассматривается также и как положительное смыслопорождение по отношению к женщинам. Например, М. Стерликова усматривает силу женских значений в палеолитической «Венере», распространившейся в период палеолита на обширной территории от Испании до Сибири, а также в статуях богинь-матерей в период неолита.¹⁷ Денис Томпсон, говоря о радикальном феминизме, объясняет, что одно из направлений деятельности феминисток проявлялось в мире смыслов, потому что необходимо было сформировать систему

¹⁶ Women's History in Global perspective: [in 3 vol.] / Edited by Bonnie G. Smith. – Champaign: University of Illinois Press, – vol. 3 – 2005. – s. 12-13

¹⁷ Стерликова, М.С. Семизис женских культов в традиционных сообществах // – Тамбов: Аналитика Культурологии – 2008. – Выпуск 3(12), – с. 145-147

значений, защищающих права женщин как альтернативу патриархальным ценностям.¹⁸

Следует отметить, что хотя аспекты движения за права женщин, связанные с миром смыслов, затрагиваются в большинстве использованных в диссертации работ, однако, ни одна из них не ставила женский семиозис в качестве проблемы и термина, поэтому проблема не эксплицировалась. С другой стороны, хотя процессы женского семиозиса широко изучаются на Западе, в Азербайджане наблюдается иная картина. Азербайджанские ученые, работающие с феминистскими парадигмами, безусловно, нашли и собрали разбросанные в национальной культуре позитивные смыслы, связанные с женщинами. Однако нам не попадались работы, исследующие женскую экзистенцию, существование как активное начало, как генеративный субъект, порождающий волны семиозиса.

Содержание отдельного раздела диссертации составляет исследование эволюции феминизма как парадигматического развития. Конечно, теория парадигм Томаса Куна широко изучалась в научной методологии. Но раскрытие, наряду с практическими причинами, также парадигматических причин в возникновении новых течений в феминизме принадлежит достижениям индийской ученой Ниру Тандон. Она так и назвала свою монографию «Феминизм: смена парадигмы».¹⁹ Мы предполагаем, что впредь проведение исследований женских движений в свете теории парадигм позволит вывести гендерную культурологию на качественно новый уровень, а также обогатить эпистемологические возможности рассматриваемой области науки. Представленная диссертационная работа также важна в этом отношении.

Хотя процессы, рассматриваемые в упомянутых нами концепциях, всегда присутствуют в мировой культуре, в них

¹⁸ Thompson, D. *Radical Feminism Today* / D. Thompson. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publication Ltd, – 2001. – s. 20

¹⁹ Tandon, N.P. *Feminism: A Paradigm Shift* / N. Tandon. – New Delhi: Atlantic Publishers & Dist, – 2008. – 203 p.

данная тема не ставилась в сформулированной нами конкретности. По этой причине, несмотря на обилие исследований по разным аспектам женских проблем, однако, за некоторыми исключениями, в этих работах специально не изучались проявления в феминистских теориях культурологических моделей и семиозиса культуры.

Среди многочисленных исследований, посвященных структуре, истории и типам культуры, редко можно встретить статьи и монографии, изучающие культуру в связи с генеративными, порождающими началами.

Например, когда Сорокин отделял пророческую культуру (идеациональную культуру) от сенситивной, т. е. чувственной и идеалистической культуры, он брал институт пророчества как фактически порождающее начало. При этом означенное начало считалось ядром, порождающим типичные ситуации и семантики.²⁰

Когда Шпенглер превращал кризис в культурологический феномен, культура «подстегивалась» идеей кризиса, чем обнаруживалась в довольно интересных ипостасях.

В такой ситуации можно с уверенностью сказать, что женская проблематика достаточно затронута в философских, культурологических, психологических и даже социологических исследованиях, проводимых в Азербайджане. Однако при этом архетипы, воздействующие из глубинных слоев души на формирование женской личности, а также последствия, вызванные женской экзистенцией в сфере культуры и мышления, не становились предметами специальных исследований.

В последние годы с точки зрения изучения женской проблемы на новых теоретико-методологических основаниях, как мы уже упоминали, большой интерес вызывают исследования Джин Шинода Болена. В результате исследований

²⁰ Ивин, А.А. Философия истории: Учебное пособие / А. Ивин. – Москва: Гардарики, – 2000. – с. 26-30

этого автора была опубликована книга «Архетипы богинь». ²¹ Азербайджанские гендерные исследования, если брать период до 2013 года, все еще не освоили и не применили эту теорию. Тогда как в России появились серьезные исследования.

Нашу диссертацию можно считать одним из первых исследований, которое превращает проблему женского феномена, порождающего смыслы и ситуации в культуре, в предмет научного осмысления, и в этом контексте рассматривающего культурную историю Азербайджана с новых ракурсов.

Объект и предмет исследования. Как известно, что объект и субъект зачастую предстают однопорядковыми понятиями. Однако в научно-методологических исследованиях, проведенных в прошлом столетии, возобладала идея разделения их в качестве терминов. В результате этого было уточнено, что под объектом понимается более широкий контекст исследования, а под предметом – относительно узкие рамки, специфическая область изучаемой проблематики. Исходя из этих признаков, можем утверждать, что объектом исследования нашей диссертации является раскрытие мировой культуры в феминистических и гендерных параметрах. Предметом же исследования является совокупность характеристик, придаваемых женской психологией и экзистенцией культурным моделям, смыслообразованиям в культуре. Границы и структура этого предмета формируются парадигмами, привнесенными феминизмом, особенностями женской психологии, феноменом женщины в отношениях Восток-Запад, в том числе проявлениями этого феномена в азербайджанской культуре. Предмет нашего исследования охватывает множество вопросов – от женской одежды до феминистских измерений модернизации. Таким образом, предмет, выбранный для диссертации, представляет собой систему источников и

²¹ Болен, Дж.Ш. Богини в каждой женщине: Новая психология женщины; Архетипы богинь / Дж.Ш. Болен. – Москва: Издательство София: – 2007. – 272 с.

информационных ресурсов для содержательного изучения феномена женщины в более широком историческом и культурном контексте.

Цели и задачи исследования. Основной целью данного диссертационного исследования является определение когнитивно-эпистемологических направлений и создание новых объяснительных моделей изучения женской проблемы в контексте азербайджанской культуры в соответствии с современными научно-методологическими требованиями. Как уже отмечалось, под влиянием глобализации в нашей стране появилось большое количество статей и книг, посвященных женским темам. Однако научный аппарат, методика и фактологическая база многих из них не отвечают требованиям современных научных стандартов. Исходя из вышеназванной цели диссертации, в ходе исследования автор ставил перед собой решение следующих научных задач:

— исследование исторической эволюции накопленных знаний о женском мире и формирование соответствующей информационной базы;

— изучение феминистского измерения культур;

— исследование типологических изменений, с которыми сталкивались женщины на разных исторических этапах, в разных формациях и культурах;

— изучение феномена женщины в различных социокультурных контекстах с учетом гендерных и культурных теорий;

— исследование женского социокультурного существования в контексте смены феминистских парадигм;

— анализ теоретико-парадигматической методологии, способствующей более полноценному и обстоятельному изучению отдельных культурологических аспектов женской проблематики;

— проведение теоретической и культурологической реконструкции женской психологии;

— проведение семиологического анализа женского мира в культурологическом плане, раскрывая при этом смыслы,

транслируемые в культуру разные временные отрезки разными феминистическими ситуациями;

— исследование теоретических и практических проявлений женского семиозиса в контексте азербайджанской культуры;

— определение методологических перспектив исследования женской проблематики в современной азербайджанской науке.

Методы исследования. В своем исследовании мы отнеслись к теме с совокупности методов междисциплинарного характера. В исследовании теоретические положения и суждения систематически подтверждаются эмпирическими способами. Методы, почеркнутые нами из культурологии и гендерных исследований, составляют основу теоретических и методологических подходов, применяемых в диссертации. В рамках этих наук широко используются семиологические, психологические и антропологические парадигмы. Психологические подходы в основном основаны на концепциях Фрейда и Юнга. Из семиотики нам на помощь приходит теория знаков, семиозис.

Как бы ни устарели некоторые положения марксистско-ленинской философии в современное время, метод историчности остается актуальным. В нашей диссертации историко-диалектический метод доказывает свою эффективность, особенно в плане изменения научных взглядов на феминистические течения и на женщин в целом. Таким образом, в методологической основе диссертации мы стремились сочетать методы и теории согласно принципу плюрализма и комплексности.

Основные положения, выносимые на защиту. По теме диссертации следующие положения выносятся на защиту:

— Рассмотрение в диссертации процессов в концептуальном треугольнике «культура, модели и женщина» позволяет сформулировать следующую проблему: культурные модели обнаруживают принципиальное различие на основе публичных дискурсов о женщине;

— Анализ «репрессий посредством обид» как одного из средств, запирающих женщин в традиционном обществе и тем

самым удерживающих их в состоянии неизвестности для культуры, приобретает историческую, феминистическую и культурологическую значимость;

— Андроцентризм патриархальных культур в семиотическом, синтагматическом и парадигматическом планах регулирует все материальные, духовные и символические сферы, связанные с женщиной;

— Чем традиционнее культура, тем больше количество событий и фактов, воспринимаемых как опасными. В таких обществах как сама женщина часто воспринимается в качестве угрозы, так и другие вещи, связанные с женщинами, считаются источником опасности;

— Многие импульсы для собственной динамики культура получает от актов семантизации, когда женщина ставится на позиции субъекта и объекта процессов;

— Приобщение женщин к активной общественной жизни путем снятия хиджаба являлось не просто социальным событием, а представляло явление, вызывающее семиотические катастрофы в традиционной культуре;

— Культура всегда использует различные средства и способы для поддержания своей активности, поскольку ее бездеятельность означает потерю собственной сущности;

— Культура создает как угнетающие, так и поощрительные механизмы на основе обычаев и моральных норм;

— Женская психология формируется при соприкосновении души с женской биологией и социальными ролями;

— В основе многих фундаментальных идей и инициатив азербайджанской интеллигенции и идеологов модернизации лежало стремление проецировать сеть новых смыслов в социальный мир. Такого рода деятельность привела к важным смысловым катастрофам во всех сферах традиционного гендерного мира Азербайджана;

— Катастрофа, вызванная семиозисом женского поведения и одежды, напрямую повлияла на менталитет нации и коренным образом изменила его;

— В обществах, где возрастают свободы женщин, их влияние на менталитет также становится сильнее; по этой причине в западной культуре семиозис женщины, связанный с менталитетом, ощущается сильнее.

Научная новизна диссертации. Изучение, согласно намеченной методологической основе, семиологических и эпистемологических аспектов женской проблематики в культуре, а также форм проявления женского феномена в азербайджанской культуре представляет собой новшество как в Отечественной культурологии, так и в гендерологии. Кроме того, новизной диссертации считаем следующее:

— Фактически впервые в азербайджанской культурологии и гендерологии перспективы и проблематика исследований женской тематики были конкретизированы и изучены;

— Ставится как проблема и анализируется влияние женского феномена на культуру в виде комплекса моделей;

— Мир культуры исследуется через призму идеологии феминизма;

— Впервые в отечественной науке рассматривается проблема участия женщин в семантическом производстве культуры;

— Суммируются культурологические теории, извлеченные из психологических теорий феминизма;

— Культура моделируется в параметрах «единое и множественное» со ссылкой на традицию парменидской философии; при этом поясняется, что патриархальные андроцентричные культуры регулируют все сферы, связанные с женщиной;

— Проанализированы гендерные ситуации исламской, еврейской и индуистской культур;

— Исследованы этико-психологические аспекты напряженности, создаваемой гендерными стереотипами между западной и мусульманской культурами;

— Противоречия между цивилизациями также характеризуются в контексте проблемы «женщина и культура»;

— Рассмотрение женских символов в контексте культурной семиотики позволило по-новому оценить культурную динамику времени;

— В диссертации раскрыта функция семантизации культурой общественных и природных явлений с использованием таких концептов, как «семантические генерации», «семантические трансформации», «семиозис»;

— Впервые введены в научный оборот термины «колебательные начала» и «семиотическая катастрофа (землетрясение)», связанные с семиозисом; наряду с такими фундаментальными социальными явлениями, как модернизация и революция, выявлены и проанализированы преобразующие качества женского семиозиса;

— На разных примерах исследованы различия между женщинами и мужчинами, вытекающие из социальных и культурных ролей, а также выявлены явные и скрытые культурные механизмы подавления, основанные на этических и поведенческих ценностях и нормах;

— Феномен феминизма исследуется, наряду с социально-политическими факторами, и в контексте парадигматических поисков; обозначается форма женских свобод, соответствующая тому или иному феминистскому направлению в рамках разных парадигм;

— Были установлены, с использованием идей Карла Юнга и Джин Шинод Болена, архетипы, соответствующие известным женским персонажам азербайджанской истории и литературы;

— Деятельность азербайджанских просветителей, идеологов модернизации в области прав и миссии женщин была раскрыта в качестве семиозиса нового типа;

— На основе семиозиса исследована взаимосвязь между возрастанием женских свобод в обществе и их влиянием на менталитет.

Теоретическое и практическое значение диссертации. Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что на основе новых научных подходов и нового нарративного способа были определены и изучены такие проблемные области,

как эпистемологические вопросы гендерологии, проблемы семиозиса в культуре, психоаналитическое измерение женщины как особого социокультурного типа, будущие перспективы женской проблематики в Отечественных социально-гуманитарных науках.

При этом были предприняты усилия по избавлению от когнитивных стереотипов идеологизированного и схоластического наследия марксизма-ленинизма и известного «казенного» стиля письма, присущего советской эпохе, а также созданы новые концептуальные модели в гендерной культурологии на основе продуктивных идей мировых культурных и гендерных теорий. В ходе исследования в научный оборот был введен ряд новых понятий, таких как «колебательные начала», «семиотическая катастрофа (землетрясение)», что повышает теоретическую значимость работы.

Что же касается практической значимости нашего исследования, то, прежде всего, хотелось бы отметить, что вот уже почти 30 лет тема феминизма выходит на первый план в современных азербайджанских СМИ, искусстве и гражданском обществе, удерживая свое место на повестке дня. На фоне научного и общественного внимания к феминистским идеям информирование журналистов, деятелей искусства, общественных активистов о женских проблемах привнесло бы практическую пользу их деятельности. В этом отношении наша диссертация представляет довольно ценный источник информации. Также изложенные в диссертации фактические материалы, выдвинутые научные предположения и обобщения, практические и теоретические выводы могут быть использованы при написании лекций и специальных курсов по гендерной культурологии, программ и методических пособий для магистратуры, обобщающих трудов, при будущих исследованиях разных аспектов женского феномена и проблемы в азербайджанской культуре.

Апробация и применение работы. Основные положения исследования нашли отражение в научных статьях (25 в

Азербайджане, 6 за рубежом), опубликованных в ряде научных журналов в Азербайджане и за рубежом, в докладах и тезисах национальных и международных научно-теоретических конференций.

Название организации, в которой выполнена диссертационная работа. Работа выполнена в кафедре «Социально-культурная деятельность» Азербайджанского Государственного Университета Культуры и Искусств.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения (31741 знаков), первой главы (104178 знаков), второй главы (117111 знаков), третьей главы (131153 знаков), четвертой главы (108568 знаков), заключения (10677 знаков) и списка литературы. Общий объем диссертационной работы составляет 503 тысячи 428 знаков.

II. ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Во **«Введении»** диссертации обосновывается актуальность темы, анализируется существующая литература по интересующей нас теме, формулируются предмет, объект, цели и задачи исследования, обозначаются объект и предмет исследования, выделяются основные положения, выносимые на защиту, определяются методы, научная новизна исследования, теоретическая и практическая значимость, а также апробация работы.

Первая глава диссертационной работы называется **«Эпистемологические вопросы гендера»** и состоит из двух параграфов. В первом параграфе под названием **«Феномен женщины в культуре и системе культурных моделей»** были исследованы феноменологические аспекты моделей, в которых представлена культура, рассмотрены культурные процессы в ритме расширения и сжатия. При этом было выдвинуто положение, что, поскольку сама культура является моделью природы и мира, разные культуры отражают разные модели природы, мира и общества. Согласно нашим выводам, в обществе есть события, не вошедшие в культуру в

определенные периоды и этапы (например, впечатления путешественниц). По этой причине общество включает в себя культуру как меньшее множество.

Отмечается, что во многих обществах женщины были вынуждены ограничивать себя внутренней цензурой. Психологическим коррелятом стыда является застенчивость, и еще в XIX веке Дарвин обнаружил, что это чувство сильнее у женщин.²² Поскольку стыдливость делает женщин замкнутым существом в обществе, они становятся менее активными, чем мужчины, личностями в области культуры. Поэтому, говоря конкретно, психологический мир женщин, скрытые стороны их внутреннего мира недостаточно уяснены в азербайджанской литературе.

В данном параграфе разъясняется еще одна технология ограничения, относящаяся к женщинам, – обида. Обижаться – значит, лишить субъекта права иметь источники информации и приобретать их, связать субъекта по рукам и ногам без применения физических средств (кандалов, веревок), осуждать человека на наказание без побоев. Вот все эти функции обиды в большей степени применялись к женщинам в истории. Поэтому «история женщин, репрессированных обидой» предстает в культурологии как исследовательская тема с большим эвристическим потенциалом. Вместе с тем вскрывая тот факт, что границы культуры ограничиваются посредством цензуры, обиды и стыдливости, выражение «расширение» относительно культуры приобрело право на существование. Кстати, когда феминистки с особым вниманием работали над феноменом женщины, они включали в культуру многие обстоятельства, связанные с женщинами и остававшиеся вне объема и пределов предшествующей культуры.

Как известно, на протяжении тысячелетий женщины оставались для мужчин таинственным, неизвестным существом, с неведомым внутренним миром. По мнению феминисток,

²² Misheva, V.Ī. Shame and guilt: Sociology as a Poietic System / V.Ī. Misheva. – Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, – 2000. – s. 39

именно эта причинно-следственная цепочка обусловила страх мужчины перед женщиной и его стремление подчинить ее своей воле. То, что женщина является источником жизни, вызывает у мужчины смешанные чувства — страх, восхищение и т. д.²³

Опираясь на данный аргумент Карен Хорни, мы утверждаем, что некоторые хадисы пророка Мухаммеда о женщинах следует интерпретировать не как ненависть к женщинам, а как предупреждения об опасных последствиях страха перед женщинами. Посланник Аллаха из этого страха выводит предположение о сильном влиянии женщин на мужчин. Воспитательное значение хадисов состоит в том, чтобы угрожая адом, удержать женщин от злоупотребления своими возможностями.

Особо подчеркивается, что в обществе есть слои, сегменты, пребывающие вне культуры. Мы имеем в виду бессознательную коллективную душу. Известный психолог К. Юнг называл это «коллективной бессознательной душой» или «коллективной бессознательностью».²⁴ В обществе очень много событий, оказавшиеся вне рефлексии, то есть не являющиеся целью мышления. Сейчас, принимая во внимание подобные факты, мы можем утверждать, что культура есть совокупность человеческой деятельности и ее продуктов, проходящих через рефлексирование и очевидности для сознания. В истории культурологии необходимость исследования многих явлений античности и средневековья, основываясь как на категории «культура», так и на внезапно поставленном рядом с нею термине «неформальная культура» была обусловлена потребностью общества проникать во многие пласты «неформальной культуры», чего не допускает понятие «культура».

²³ Хорни, К. Женская психология / К. Хорни. – Санкт-Петербург: Издательство Восточно-Европейского института психоанализа, – 1993. – с. 38

²⁴ Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э.Сэмюэлс, В. Одайник [и другие]; сост. В. В. Зеленский, А. М. Руткевич. – Москва: Мартис, – 1995. – с. 176-178

Наше исследование позволяет заключить, что культура или ее сферы раскрываются в двух противоположных моделях. Одна модель создает центростремительные ускорения в концентрической структуре, и ее основной принцип заключается в унификации. Консолидация каким-нибудь фактом в культуре, пребывающим в качестве стержня, начала в центре, множественности вокруг себя, побуждает его отождествлять эту множественность собой, тем самым способствуя приобретению последней сущности, соответствующей единичности. И с этим начинается репрессии окружающих центром, ибо, объединяя их с собой, центр уменьшает их разнообразие и заставляет их раствориться в себе.

Другая модель, индуцируя центробежный процесс, вызывает множественности подобно той, которая появилась во Вселенной, неуклонно расширяющейся со времени Большого Взрыва, приводя к самым разнообразным сочетаниям полюсов единичности и множественности. При этом окружающая множественность по разным причинам питает «отвращение» или отказывается идентифицировать себя с центром. В результате акт идентификации обесценивается.

Анализ культурных процессов на основе центростремительных и центробежных моделей позволяет нам утверждать о том, что до XIX века мужчина и мужской мир создавали привычную форму культуры как на Западе, так и на Востоке. В этой форме для многих ценностей мужские критерии (или идентификация с мужчинами) оказались решающими. В доказательство данного утверждения можно отметить, что в основе моды одежды вплоть до указанного века лежали именно мужские взгляды и критерии. Также было отмечено, что мужское доминирование в культурологии дается в двух моделях. В одной, как описывает лакановский «фаллоцентризм», мужчина образует единый центр концентрического паттерна. В другой модели доминирование проявляется как распространенное и подтверждает повсеместное обнаружение маскулинности.

Постструктуралисты даже критикуют гуманизм за то, что ставя в центр субъекта (причем в большинстве случаев

андросубъекта, то есть субъекта-мужчину), он обкладывает его множеством репрессивных институтов. Принимая во внимание наличие в обществе значительной репрессивной среды в отношении женщин, в диссертации также рассматривается феномен репрессивности. Для этого мы обратились к идеям таких видных теоретиков, как А. Маркузе, М. Фуко и Р. Барт.

Были затронуты и эпистемологические функции мужчиноцентризма (андроцентризма) культуры. Отмечено, что наука систематически исключает женщин из положения субъекта, приобретающего знания. При этом, поскольку мужчина ассоциируется с культурой, знанием, наукой, рациональностью, женщина по отношению к мужчине как другая сопрягается с природой и чувствами. В результате получается, что женщина может быть только объектом и целью научного познания, но не субъектом.²⁵

В диссертации также были рассмотрены теории матриархата, являющегося своеобразной альтернативой андроцентризму; были проанализированы концепции швейцарца Якоба Бахофена и американского этнографа Генри Моргана. Показано, что Бахофен отождествлял матриархат с репродуктивным, биологическим, иррациональным, эмоциональным миром и пытался объяснить женскую психологию и социальный характер на основе мифов о Богине. Морган же вывел примат матриархата в племенах, потомство которых учитываются по материнской линии.

В ходе исследования институт «девственности», по существу связанный с концептом «женщина», разъясняется в контексте формирования патриархата. Отмечается, что девственность, будучи биологическим показателем, не могла быть условием, показывающим нравственность женщины во времена матриархата. Только в период патриархата требование девственности, помимо выражения власти мужчин над

²⁵ Malson, H. The thin woman: feminism, post-structuralism and the social psychology of anorexia nervosa / H. Malson. – London: Routledge, – 1998. – s. 36-39

женщинами, стало одним из важных условий моногамного, т.е. единобрачного семейного института. Выяснено также, что влияние института девственности сузилось по мере ослабления патриархальных традиций.

В заключение параграфа отмечается, что со второй половины XIX века как матриархатная, так и патриархатная теории представляли культуру в новой, гендерно-центричной модели. В то время стало ясно, что при матриархате конфликты между людьми и общинами были в более мягкой форме. Таким образом, именно патриархат привнес в культуру кровопролитные войны. Феминистки предположили, что при матриархате в основе религиозных чувств и поклонения лежали не страх, а благодарность за жизнь. Патриархат же в религиозных чувствах эксплуатировал такие эмоциональные состояния, как страх, покорность и смирение.

Во втором параграфе, озаглавленном **«Гендерный мир с точки зрения культуры и культура в феминистских теориях (XIX-XX вв.)»**, рассматриваются различные теоретические реконструкции культурных феноменов. Отмечается, что в основе изменений отношения к феномену женщины в Западной Европе в уважительную сторону можно усмотреть влияние куртуазного периода. Именно в куртуазной традиции Прекрасная Донна была возведена на «престол». Если в патриархальной культуре мягкость и уважительное отношение мужчины к женщине не считалось соответствующим истинному мужскому характеру, то куртуазный кодекс, сложившийся в недрах Патриархата, явно отличался своей антипатриархальной альтернативностью.²⁶ Хотя женский идеал приобрел значение в ходе гендерной эволюции викторианской эпохи, женская привлекательность не была допущена в культурную модель. Ключевую ситуацию викторианской культуры можно охарактеризовать как недоверие к гендерной анатомии. Самыми опасными чертами этого недоверия являлись внутренние

²⁶ Рябова, Т.Б. Женщина в истории Западноевропейского Средневековья / Т. Рябова. – Иваново: Юнона, – 1999. – s. 19

биологические процессы женщины. Основная ситуация викторианской культуры заключалась в формировании и реализации особой идеологии, особой этики и эстетики, словом, особых культурных запретов для преодоления этого биологического недоверия. Для обоснования благородными, моральными целями и смыслами репрессивных действий культуры в отношении гендерной биологии в этот процесс были подключены романы, моды, женщина, семейные идеалы, воспитание детей и т. д.

При рассмотрении культурно-гендерной ситуации эпохи в викторианской культуре нетрудно обнаружить, что запреты на включение гендерных отношений в официальную культуру на самом деле были типичны для патриархальных культур в разных частях мира. Везде, где патриархат оказывался сильным, культуры, учитывая привлекательность женщины, создавали регулятивные и моральные ситуации, чтобы свести к минимуму эту угрозу. Можно даже заметить такую закономерность: чем традиционнее культура, тем большее количество вещей считается опасными.

В данном параграфе также уделено внимание к схожему отношению к женщине в рамках викторианской культуры и ислама. Настоящий, то есть физический хиджаб ислама был заменен духовным хиджабом в викторианской культуре. При сопоставлении и сравнении различий и сходств обеих накидок открываются интересные, с точки зрения культурологических исследований, эпистемологические перспективы. Мы видим, что христианская традиция толкования мифологии Евы лежит в основе регулятивного давления, оказываемого на женщин викторианской культурой. Но со временем, с актуализацией мотива Богоматери, женщина стала выходить из тени Евы. Эта линия привела в XIX веке к движению за признание прав и свобод женщин и, как следствие, к краху викторианской культурной модели. Постепенно строгие нравы, относящиеся к женщине, вытеснялись в церкви, монастыри, отдельные общины (например, мормонов), деревни, а в культурных центрах и модернизируемых странах возобладали идеи женской свободы и

женской эмансипации, которые и создали новую гендерную ситуацию в мире.

В мировой модели культуры XX века меняется отношение к женщине. Изменение этой ситуации мы наблюдаем в кризисе викторианской культуры, в восстании модернизма против традиционных ценностей, в результатах феминистского движения. В процессе модернизации свободная, эмансипированная женщина стала появляться не только в Европе и Америке, но и на Востоке. Соответственно, стали возникать темы и проблемы, связанные с женщинами, закрытые в прежних культурах.

В диссертации также рассматривалась важное положение христианской схоластики о первородном грехе Евы. Кстати, на протяжении всей истории христианства параллельно шли линии – унижающие женщин и реабилитирующие женщин, хотя вторая линия была слабее. При этом мы разделяем мнение, что хотя в исламском мире и наблюдается недоверчивость и сомнения по отношению к женщинам, однако, невозможно представить себе мусульманских философов и теологов, разделенных на два противоборствующих лагеря, один из которых утверждает вечный грех женщины из-за прегрешения Евы, а другой – отвергает. В «Коране» также утверждается, что змея сначала сбила с истинного пути Еву. Однако основанные на этом факте спекулятивные суждения о женщине как о главной грешнице или бездушном существе были чужды мусульманскому философско-богословскому сознанию и дискурсу. Ни один мыслитель в мусульманском мире не называл женщин «самым уязвимым местом» человечества перед Дьяволом и потому не относился к женщинам как к существам, заражающим человечество грехами. Но, конечно, по мере усиления патриархальных порядков в мусульманских обществах положение женщины претерпевало соответствующие трансформации.

Итоги завоевания женской свободы на Западе в XIX – начале XX веков создали в остальном мире, особенно в восприятии многих мусульман, образ женщины-христианки, которая легко и

свободно совершает прелюбодеяние. Яркий пример тому можно увидеть в пьесе Мирзы Фатали «Повесть о Мусье Жордане — учёном-ботанике и дервише Масталишахе, знаменитом колдуне». В этом сочинении завистливые азербайджанки представляют парижанок морально развращёнными.²⁷ Вместе с тем в пьесе Мирзы Фатали европейская женщина, предстающая запятнанной сквозь восприятия традиционной культуры Азербайджана, в глазах Шахбаз бека становится средством выявления отсталости восточной женщины.

Поскольку феномен семьи в исламе и других восточных мирах с существенным упрямством продолжает сохранять свою патриархальность, женщина как мать, как жена, как ребенок, не подвергающая опасности честь отца, представляет большую значимость и ценность для восточного мужчины. Поэтому, когда восточный мужчина видит угрозу этому прекрасному образу женщины со стороны Запада, он легко становится антизападником. Тогда как эмансипированная современная женщина XX века, кажущаяся восточному человеку необразованной и неуважительной, на самом деле является продуктом индустриальной эпохи, а не христианства. Викторианская, католическая, православная мораль показывают, что такой образ не одобрялся всеми ветвями традиционных религий. В этом смысле отношение к женщине в средневековом христианстве было более милым сердцу для мусульман, живших с шариатской идеологией, и даже в ряде случаев являлось ригористическим, т.е. более суровым.

Анализ двух стереотипов женщин на Западе и на Востоке (западная женщина, пользующаяся чрезмерными свободами, и восточная женщина, живущая рабской жизнью) позволяет предположить, что оба стереотипа возникли не из этнографических впечатлений или теоретических исследований других культур, а были тесно связаны с заурядным обыденным сознанием. Например, если у мусульман одному мужчине

²⁷ Axundov, M.F. Əsərləri: [3 cildə] / M.F. Axundov. – Bakı: Elm, – с. 1. – 1987. – s. 62

разрешено четыре жены, то, согласно этому сознанию, женщина равна одной четвертой части мужчины. Отсюда и возникло представление, что в исламском мире женщины, как неполноценные существа, находятся в более низком состоянии. Мусульмане считали, что если женщина не прячет лицо покрывалом, то она на свой лад привольная.

В диссертации также были выражены взгляды Ахмед бека Агаоглу на положение женщины в исламе.²⁸ Выдающийся азербайджанский мыслитель показал, что в исламе признаются такие права женщин, которые не воспринимались в полной мере даже в современной ему Франции. Согласно Агаоглу, гражданские и социальные права женщин, установленные в раннем исламе, были постепенно уничтожены в последующие века, в период халифата.

Вторая глава, озаглавленная «Культура как один из основных факторов семиотических процессов», состоит из двух параграфов. В первом параграфе под названием **«Генеративные (порождающие) и семантические процессы в динамическом развитии культуры»** была предпринята попытка раскрыть место и функцию семантической генеративности в изучении культуры в динамике, чтобы можно было в следующих разделах определить роль женского феномена в данном процессе.

В своем исследовании мы исходим из того положения, что, не довольствуясь статичным значением понятия «культура», полученным из эйдетической картины, необходимо работать над содержанием этого концепта в динамике. Вот почему мы также рассматриваем понятия «тело», указывающее на застывшее или стационарное состояние вещей, и «событие», которое берет их в непрерывной продолжительности. Отметим, что антитетические словосочетания «культура как система событий, как мир процессов» и «культура как совокупность вещей, ценностей и предметов» помогают полнее понять сущность явлений культуры. В этом смысле раскрытие культуры в плане семантического

²⁸ Aǵaoǵlu, Ə.N. İslama görə və İslamda qadın // – Bakı: Ulduz, – 1990, №3, – s. 68-80

порождения (генеративности) позволяет нам преодолеть наше обыденное осознание, связанное с культурой, и перевести его в научное измерение.

В нашем представлении разделение культуры на научную, религиозную, эстетическую и прочие сферы служит для моделирования процессуальности. Причина заключается в том, что когда мы разделяем религиозную и художественную культуры, то есть, когда показываем их как две разные подсистемы в культуре, мы получаем дифференцированные «линии действия», каналы их воздействия друг на друга. Один канал воздействия идет от культуры к его подсистемам. Другой канал воздействия перемещается между этими подсистемами. Третий же канал воздействия направлен от подсистем обратно к культурной целостности. В диссертации на разных примерах проанализированы динамики вертикальных и горизонтальных воздействий между соседними культурными ареалами, происходящие в направлении от культуры к подсистеме и от последнего к культуре в целом.

Что же касается национальной литературы, то, на наш взгляд, «Неполная рукопись» Камал Абдуллы получает и передает импульсы от активности двустороннего потока информационной циркуляции между наукой и искусством в азербайджанской культуре нашего времени. Если система филологических знаний научной культуры не создает необходимый фон, контекст, то «Неполная рукопись» способна лишь произвести путаницу восприятия, ибо непременно вызовет вопрос у непросвещенного читателя – «что за художественное произведение?!». Только при переводе в контекст художественного текста филологических изысканий по неполным рукописям, а также научного исследования самого Камал Абдуллы «Тайный Деде Коркуд», вступает в действие механизм эстетического удовольствия в восприятии.²⁹ Роман, в свою очередь, создавая обратный эффект,

²⁹ Əlişanoğlu, T. Mif və yazı arasında bir dünya // – Bakı: Tənqid. Net, – 2010, №7, – s. 299-302

позволяет филологам нестандартно понимать тексты Деде Коркуда.

В диссертации подчеркивается тезис о том, что положение о тотальном развитии общества и культуры не следует абсолютизировать. В целом культура представляет собой совокупность разнонаправленных движений. Развитие измеряется приближением к высоко ценимой, востребованной и вследствие этого ставшего идеальной цели, т. е. тем, насколько реализует в себе этот идеал. Регресс, упадок же означает отдаление от этой цели. При этом само понятие идеальное воспринимается субъективно. Поэтому в обществах, рассматривающих патриархальные правила как желательные и идеальные, случаи, приближающие культуру к этому идеалу, будут считаться развитием. Следовательно, чем больше женщин добровольно принимают хиджаб, тем продвинутой считается их нравственная культура в традиционном мусульманском обществе. Чем больше мужчины соглашаются на ограничение свободы женщин в своей семье, тем выше они ставятся морально. Тогда как для западных цивилизаций, обретших семантическую законченность в рамках модернистской парадигмы, такая ситуация ведет к упадку. Поэтому модернистские цивилизации довольно негативно оценивают культуры, превращающие упомянутую ситуацию в идеал.

Исследование также стремилось прояснить некоторые семиотические парадигмы, связанные с семантической процессуальностью культуры. План формы, фонологический ряд слова «женщина» воспроизводит в сознании общающихся определенный тип женщины по принципу эйдетики. Кто-то может воспринять этот женский эйдос от внешности матери, кто-то от дочери или возлюбленной. Однако со временем эйдос в содержании слова «женщина» обрастает дополнительными чертами с конкретной информацией. Таким образом, исследования проблемы женщины в культуре, женских персонажей в изобразительном искусстве, кино, поэзии, стоя «наготове», при необходимости обогащают и пересматривают словесный образ женщины в чьем-либо сознании.

Одним из серьезных направлений деятельности в культуре является семантизация явлений мира и культуры. Осмысливание мира означает также полемику о правильности, уместности и перспективности того или иного значения. Таким образом, в культуре, в плоскости семантики идет острая борьба по поводу любых событий, в том числе и конкретно вокруг образа женщины. Одна из самых серьезных целей феминистской идеологии – возвысить, на примере облагороженной женщины, ее образ, и даже сделать его образцом поведения для мужчин. В азербайджанской культуре песни и стихи, посвященные матери, на самом деле призваны очистить образ женщины от бытовавшего мужского пренебрежения или агрессии.

В ходе исследования был сделан вывод, что культурная деятельность представляет собой не только конструирование и производство культурных ценностей, а также восприятие или использование этих ценностей (и культурных продуктов в целом), но и семантическую генерацию и трансформацию. Подобная деятельность означает смысловое насыщение значения одного денотата другим, получение из одного значения другого, облечение значения в разные вариации и оттенки. Все эти процессы происходят в каждом слое, пласте и сфере культуры. Бытовые анекдоты, шутки, стихи, видеоклипы, философские трактаты, мемуары – все они, непосредственно служащие своему предназначению, заняты тем, что придают знакам новые значения, а старым значениям – новые оттенки.

Для того чтобы иметь возможность использовать в качестве необходимого познавательного инструментария в нашем исследовании, понятие культурных знаков конкретизировалось; было показано различие между условными, иконическими, метафорическими, метонимическими и индексальными знаками. Отмечено, что семиотика культуры, позволяя раскрыть характер культуры в этом направлении, также обращает наш взгляд на семантическую генеративность знаков. Наука дала общее название – семиозис – созданию и восприятию знаков, совершению со знаками различных действий, например угроз, репрессий. Культура также является местом семиозиса, а

семиозис в свою очередь – важным видом деятельности в культуре.

Мы выделили четыре типа семантической причинности: 1) Первый тип происходит от способа приобщения новых значений в смысловое гнездо знака при сохранении неизменной формы его или генерировании других коннотаций и ассоциаций посредством этой формы; 2) При втором типе новые смыслы приобретаются путем обнаружения мегасмысла в различных ситуациях и его трансформации; 3) Третий тип производит цепь новых значений в семантике знака, незначительно изменяя форму его; 4) Четвертый тип возникает в том случае, когда находя новую форму для старого значения, обогащает его (старое значение) либо смысловыми оттенками, либо же коннотативными значениями. При этом можно предположить, что подобно тому, как экзегетика и толкования в богословии придают новые значения неизменным вербальным означающим, а точнее, сакральным дискурсам, и в этом плане демонстрируют варианты, развертывающиеся в семантическую бесконечность, так и искусствоведческие теории, раскрывая неизменные каноны в смысловых вариациях, обогащают культуру семантически.

Наше исследование позволило заключить, что одной из важных задач теорий является обогащение культурной памяти, языковой и текстовой системы, знаков культуры новыми смыслами. Таким образом, теории обладают функцией семантического порождения, и благодаря ей происходит наложение, переплетение в различных сочетаниях значений в нашем смысловом мире. В нашем семантическом мире, благодаря не только нашей ненаучной, практической, но и научной деятельности, происходит самый фантастический пляс значений. Причем участниками этого пляса являются не только старые смыслы. С каждым мгновением к этому плясу в культуре подключаются новые значения. Интернет-пространство, мир СМИ, отношения между мужчиной и женщиной — все это пространства, где старые и новые смыслы вступают в своеобразный пляс.

Таким образом, если взять культурную деятельность человека с точки зрения поиска смысла, то научная, политическая, семиотическая деятельность представляет собой сложный процесс, обратный друг другу. Оказалось, что категории «истина и не истина» предоставляют мощное оружие для победы или самоутверждения, самозащиты в мире смыслов. По этой причине семантическая генерация, как довольно серьезная культурологическая проблема предстает одной из ключевых.

Второй параграф называется **«Женский мир в семиотике и культурологический подход к нему»**. В этом параграфе как продолжение темы о семиозисе утверждается, что понятие «семиозис» в современной семиотике берется широко и включает в себя все процессы изложения, создания и трансформации, связанные со знаками и текстом. При этом на первый план выходит этиология значений. Другой тип семиозиса мы бы назвали колеблющим семиозисом. В первом типе семиозиса мы видим семантическую этиологию обособленного социального явления. При втором типе семиозиса мы наблюдаем, как какое-либо событие волной распространяется на все общество и придает смысл многим фактам.

В параграфе на примере животного мира показаны смысловые трансформации. Отмечено, что культурологи, экологи, писатели, фотографы пытаются нейтрализовать ненависть и агрессию к различным животным, культивировать восхищение ими как явлением природы, придавая им новые смыслы.

Нами сделана попытка раскрыть культурное значение процесса семиозиса через различные социокультурные явления. Вслед за канадским ученым Гербертом Маршаллом Маклюэном мы рассмотрели революционные изменения (обозначенные им как «мир Гуттенберга»), внесенные книгопечатанием в общественное сознание и сферу культуры, и оценили семиологические трансформации. Мы пришли к такому семиозисному выводу, что каждое письмо и каждое творчество

определялись измерениями «способные принести славу или нет».

С целью выявления культурного значения процесса семиозиса на ином материале была рассмотрена и смысловая ситуация, порожденная феноменом семьи в культуре. На наш взгляд, при превращении семьи в факт семиозиса, родственники отца также наделяются значением члена семьи. Этот момент вынуждает и их стать преградой перед факторами, разрушающими семью.

В диссертации исследованы также феномены «прогресса» или «современности» (модернизма) как детерминированного ядра волн семиозиса. Как известно, М.Ф. Ахундзаде, Г.б. Зардаби, А.б. Гусейнзаде, А.б. Агаоглу, М.Э. Расулзаде негативно оценивали многие явления традиционной культуры с точки зрения современности. В этом плане заслуживает внимания статья М.Ф. Ахундзаде «Джон Стюарт Милль о свободе». Он видел в любых людях традиционалистской культуры и в любых их социальных, моральных и культурных действиях автоматизацию (в сегодняшнем выражении роботизацию), и в этом контексте подчеркивал необходимость критического отношения к миру для Азербайджана.³⁰ Мирза Фатали, по сути, попыткой обновления культурного кода как бы инициировал семиотическую войну с устаревшими смыслами и установками азербайджанской культуры, не соответствующими эпохе Модерна. В целом азербайджанская интеллигенция XIX века, а в дальнейшем и идеологи Модерна и модернизации своим семиозисом вызвали смысловые и семиотические катастрофы в религиозной, духовной и художественной сферах традиционной азербайджанской культуры, а также в обыденном сознании и менталитете. Вышесказанное более очевидно наблюдалось в одежде и моде.

В ходе исследования было выявлено, что семантика в целом и на индивидуальном уровне стала средством войны, борьбы,

³⁰ Axundzadə, M.F. Con Stüart Mill azadlıq haqqında // – Bakı: Yazı. Ədəbiyyat dərgisi. – 2012, №1 (2), – s. 8

агрессии, вносящим тревогу в нормальное состояние культуры. Однако когда такая «семиотическая война» становится конфликтом культур – прошлого и будущего, начинается та культурная катастрофа, о которой мы упомянули. Примером тому служат административные реформы, проведенные в Османской Турции: анализируется на примере замены султаном Махмудом II чалмы на феску новая семантическая ситуация.

Наиболее серьезные последствия реформ европеизации в культуре проявляются в женской одежде. Когда европеизация направляет акты семиозиса, то есть изменения значений и форм в традиционных символах культуры, на женщин, это, кажется, вызывает культурное землетрясение. Изменения, происходящие в женской одежде, по сути, создают существенную проблему мужскому доминированию в культуре, порождают серьезные испытания для мужской воли. В таких странах, как Азербайджан, переход женщин в европейскую одежду также был связан с чужой религией (неверностью), поэтому вызывал гнев клерикалов. Однако большевистская революция и последовавшие за ней акты эмансипации, в том числе и отказ от чадры, политизировали смену женской одежды, превратив ее в борьбу против «эксплуататорского буржуазно-феодального строя», т. е. придали ей социально-политический смысл, и тем самым сняв с европеизации одежды клеймо (стигму) «неверной одежды».

В диссертации раскрыты два направления процесса семиозиса, связанного с женской одеждой. Первое направление заключалось в модернизации женской одежды под влиянием европеизации. Второе же направление проявлялось в том, что женщины считали себя началом семиозиса, создавая своей одеждой соответствующий смысловой настрой. После того, как женщина стала, под влиянием модернизации, менять одежду, она уже приступила к совершению акта семиозиса, превращаясь из объекта в субъект процесса. При этом ничто не могло оставаться вне ее семиозиса, т.е. акта осмысления – ни политическое движение, ни кухня, ни мир развлечений, ни бракосочетание. Причем женский семиозис представляет собой

процесс, оказывающий важное влияние на менталитет. Отмечается, что семиотический бунт радикальных феминисток, активизировавшихся в 70-е годы XX века, направленный против традиционного института семьи, оказал на менталитет эффект землетрясения.

По нашему мнению, репрезентация, художественный анализ самых отдаленных уголков женской психологии в литературе XIX-XX веков были результатом не только таланта западных писателей, не только широты нарративной сферы западной литературы. Подобный анализ стал возможным в том числе и в результате влияния научного мышления и научной культуры на все области жизнедеятельности. Если можно так сказать, феминистские активистки, преобразовавшие в западных менталитетах гендерные структуры в пользу женщин, то есть обогатившие этот менталитет многими смыслами, ориентированными на женщин, оказали свое влияние как различными действиями, так и научными или околонучными аргументами.

В последние десятилетия западные женщины создали такую ситуацию в менталитете, что мужская модель уже перестала быть ключевым фактором в формировании мужского воспитания. Традиционная ситуация состояла в том, что образ «настоящего мужчины», «поселившись» в менталитете благодаря литературе и народным преданиям, проникал в характер подрастающего мальчика. При этом мальчики делились на группы, реагирующие на эту модель полностью, в большей или меньшей степени или не реагирующие вовсе. После исчезновения этого доминирования в западном менталитете в национальной психологии сформировались многие типы «настоящих мужчин», и этот плюрализм имел свои последствия в воспитании мальчиков.

В этой параграфе были рассмотрены и культурологические аспекты образов исторических женских персонажей, таких как Семирамида, Нефертити, Клеопатра, взволновавших западное сознание. На наш взгляд, когда Европа моделировала Восток в образе «другого», «чужого», эти три красивые, эффектные

женщины добавляли в образ Востока интимность и иные черты отношений между древними мужчинами и женщинами. Таким образом, в образе Востока Запад представлял себе чужой мир в драматизме любви и восхищения. Все три женщины сочетали в своей жизни драматическую траекторию обособленности, возвышения и падения. Их образ в западной ментальности постулировал древность этой траектории. С другой стороны, Семирамида, Нефертити и Клеопатра удовлетворяли потребность Европы искать идеалы в красавицах «инога мира», то есть в «другом». Также удивительным образом эти женщины проделали работу семиозиса, придав легенду и образ системе брендов Запада.

Очень серьезным доказательством того, какие смысловые значения производила восточная женщина в западной культуре, является Библия, точнее, Ветхий Завет. Под влиянием христианства библейские женщины, как очень важные символы западной духовности, в культурологическом плане наделяли значениями определенные ситуации и конфликты. В диссертации проанализированы характеры ветхозаветных женщин, таких как Сарра, Дебора (Девора), Юдифь, Есфирь, Эстер. Показано влияние этих персонажей на христианскую этику. Отмечается, что в Европе в последующие века, когда женщина выступала или нужна была как спасительница, библейские женщины представляли своего рода аргументы и средства обоснования в культуре.

При сравнении Запада и Востока мы видим, что Запад выбрал знаменитых женщин Востока, мифологизировал, символизировал их именами и, таким образом, вовлек их в смысловой процесс, называемый семиозисом. Что же касается восточной цивилизации, то ни мусульманский, ни индусский, ни буддистский варианты не превратили ни одну известную западную женщину в символ, лежащего в основе актов осмысления, отпечатлевшего свои черты в менталитете, хотя женщины-христианки были известны в османском и азербайджанском мире. Здесь женщина как представительница «другого мира и культуры» легла в основу трех знаменитых

художественных произведений: гречанки, возлюбленной шейха Санана, армянки, возлюбленной Карама (Асли) и грузинки, возлюбленной Али (Нино). Но, несмотря на то, что у этих женщин имелись исторические прототипы, они все-таки являлись художественными образами. Хотя они и обладали в этих произведениях высоким смысловым значением как любимые, тем не менее, не привнесли в азербайджанскую культуру влияние других культур. Только с XIX века, под влиянием модернизационных процессов, мы можем наблюдать рост привлекательности известного образа «европейской женщины» в просвещенных кругах мусульманского, индуистского и буддийского Востока.

Третья глава под названием **«Психологические типы женщин и их культурные последствия»** состоит из двух параграфов. В первом параграфе под названием **«История женского психоанализа и его культурологическая сущность»** была предпринята попытка раскрыть культурно-психологические аспекты женского мира. В первую очередь была выяснена постановка проблемы соотношения духа и материи в философии. Отмечено, что идеалистическая философия вплоть до XX века делила духовный мир за пределами человеческого сознания на разные слои. С XX века Эмиль Дюркгейм термином «коллективные представления» открыл пласт души, находящийся вне индивидуальной психологии, но тесно связанный с людьми. Карл Юнг обнаружил еще один слой, воздействующий на конкретную человеческую душу из мира духов, и назвал его «коллективным бессознательным». Фрейд-марксист Э. Фромм показал, что душа, которую наука называет «психикой», представляется как явление, «находящаяся в собственности» человека. По сути, душа – это открытая дверь в мир без людей, и эта дверь время от времени изливает оттуда загадочные неживые идеи, сообщения, и использует людей в своих целях.³¹ На наш взгляд, наука

³¹ Фромм, Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – Москва: Республика, – 1993. – s. 266

психология изучает область души, связанную с материальным миром и физиологической системой, в отличие от «царства» души, находящегося во тьме неведомого. Потому что «психика» искрится в полосе общения души с физиологией, материальным миром, культурой, и, значит, рождается предмет психологии.

Мы использовали термин «материя», чтобы отличить пространственное проявление духа, а также и само пространство от других слоев. Оставаясь в этой модели, в этой конструкции, можем утверждать, что проявление души в пространстве и времени происходит психологически. Из теории социального характера Эриха Фромма можно заключить, что детерминированные отношения между обществом и психологией человека отнюдь не являются однонаправленными. Общество формирует особый механизм «производства» нужного ему типа человека.

В параграфе подчеркивается, что психика есть проявление души в какой-то физиолого-биологической системе. Для обозначения этого Аристотель использовал термин энтелехия. У всех живых существ, если вещество структурировано для определенных целей, например, глаз для зрения, желудок для пищеварения, то это вещество тем самым обладает энтелехией. Энтелехия это приобретение материей формы для выполнения определенных задач. Ссылаясь на понятие энтелехия, мы предполагаем следующее. Во-первых, душа при соединении с человеческим мозгом образует психику. Во-вторых, когда эта душа соединяется с женскими и мужскими полами, она дает психические различия, обусловленные гендерными различиями. Это то, что мы называем различиями между женской и мужской психологией. В национальной психологии, когда дух проникает (или откладывается) в биофизиологическую и этническую структурную сеть нации, происходит становления национальной психологии. В каждую эпоху структуру общества формируют мужчины и женщины, приобретшие соответствующие им социальные характеры и психологические типы от национального духа. В параграфе женская психология характеризуется как форма, которую принимает душа при

столкновении с женской биофизиологией. При этом в ней еще не происходит национальная, социально-контекстуальная конкретизация.

Нами было показано, что еще до Фрейда в культуре Запада, несущей на себе следы патриархата, т.е. сохраняющей свою маскулинность, господствовало на уровне принципа доминирование мужчины и нахождение женщины под волей своего отца, брата и мужа. Когда на сцену вышел Фрейд, он научно концептуализировал этот принцип, основываясь на парадигмах психоанализа, и сделал его, таким образом, более весомым для Запада.

В исследовании разъяснена гипотеза З. Фрейда о формировании женской психологии на основе чувства неполноценности, возникающего из-за «анатомического несовершенства», а также проанализированы суждения таких адептов этой идеи, как Эрих Фромм, Анна Фрейд, Карен Хорни, Карл Юнг. Подчеркивается такой вывод, что Фрейд и его последователи причину недоверия женщин к сверстникам связывают с комплексом Электры. Раздосадованность девушки собой из-за «биологической зависти» вскоре приводит к недовольству всеми женщинами. Не соглашаясь с взглядами Фрейда и его последователей относительно неизменности биологических факторов, формирующих женскую психологию, обозначенную ими как мазохистской, мы показали, что в обществах, где права женщин попираются и предпочтение отдается мальчикам, у девочек чувство неполноценности по анатомическим соображениям углубляется культурными факторами. Также мы исходим из идеи Джулиет Митчелла о том, что главная причина, по которой женщины находятся под давлением, репрессиями, гнетом и игом, скрыта в глубинах человеческой психологии.

Таким образом, мы увидели резонанс идей Фрейда о женской психологии в феминизме на конкретном материале. Волна этого резонанса способствовала возникновению психоаналитического феминизма, обеспечив его платформу генеративными идеями. Вместе с тем было отмечено, что одним

из основных недостатков фрейдистских и феминистских теорий, связанных с гендерными и женскими проблемами, является понимание причинно-следственных связей в таких исследованиях, как наподобие преклонения в свое время перед законами механики.

В диссертации также проанализирована теория Карла Юнга, направленная на выявление психологических типов людей. В портретах, набросанных Юнгом, наличествует два ключевых типа: интроверты, то есть люди, ориентированные вовнутрь, и экстраверты, то есть люди, ориентированные вовне. Он считал экстравертность характерной для женщин. В этом типе женщин он указывал на эмоциональность как на главную черту характера. Таким образом, Юнг раскрывал женщин как существ, которые не могут побороть свои эмоции мышлением. На наш взгляд, хотя Юнг построил очень интересную теорию об экстраверсии, однако портрет женщины, основанный на этой теории, недалеко ушел от типичного, во многом стереотипного образа женщины в литературе и обыденном сознании.

Мы пришли к выводу, что когда феминистки ставили проблему о психологии и других характеристиках пола, они тем самым подчеркивали роль социальной среды в противовес дарвинизму и фрейдизму, хотя и не материализовав эту среду термином «материальность», как это делали марксисты. Поэтому, говоря о социальной среде, они не акцентировали на классовых отношениях, не превращали в эпистемологический инструмент законы смен общественно-экономических формаций, а также законы диалектики. Хотя, разумеется, они не могли оставаться в стороне от косвенного влияния марксистской социологии.

Отметим, что для девушек и женщин, не соответствующих определению «представительниц слабого пола» в культуре, то есть совершающих действия, не входящие в это понятие, предполагаются разные наказания. Если можно так сказать, культура заставляет женщин пребывать в женской психологии. Значит, женская психология у женщин – это не только

естественное состояние, но и состояние масочного типа, в которое они вынужденно поставлены.

В диссертации затронута феминистическая критика религии как инструмента патриархального угнетения. Феминистки обращают внимание на маскулинность монотеистических религий и предлагают в качестве условия освобождения от андроцентризма. Они, изучив традиционные религии, выяснили, что те игнорируют личный религиозный опыт женщин и не считаются с их желанием выражать свои вероисповедные потребности. В каждой из мировых и национальных религий женщины по-разному унижаются как второстепенные существа. Вместе с тем наше исследование выявило существенную несправедливость в феминистской критике монотеистических религий. На наш взгляд, монотеистические религии на первых порах в той или иной степени учитывали психологию и личность женщины, но в итоге создали новую психологическую модель женщины, заставив ее раскрывать и заявлять о себе в этой модели. Во всех мировых религиях после периода прислушивания к женской психологии наступал период их подавления. Однако во всех религиозных системах в вопросе божественной любви женщины сохраняли серьезное влияние. В нашу эпоху, особенно на Западе, женская психология не только реабилитировалась в монотеистических религиях, избавившись от упреков. Отныне женщины с их психологической незакомплексованностью стали активными субъектами как религиозных процессов, так и культурного семиозиса.

Эта тема находит свое дальнейшее развитие во втором параграфе данной главы, озаглавленном **«Основные парадигмы изучения женской психологии в контексте культуры»**. В первую очередь излагается проблема психологических портретов женщины в искусстве. В отличие от мусульманского Востока, в европейской доренессансной и постренессансной живописи имелись, хотя по сравнению с мужскими не так много, женские портреты, которые отражали насыщенные оттенки женской психологии. Вместе с тем подчеркивается, что большое количество ярких мужских

персонажей в живописи, литературе, кино и театре и создание, как правило, женских персонажей в качестве «технического» дополнения к героям-мужчинам вытекало из факта преобладания маскулинной тенденции в искусстве. Довольно часто мужская судьба располагалась в центре, в фокусе, а женская вытеснялась немного на орбиту, в периферийное пространство. История искусства выдвинула блестящие произведения, отвечающие идеалам хорошей матери, прекрасной жены и истинной возлюбленной, в значительной степени сформированные патриархальной культурой. Иными словами, искусство формировало у женщин мужскую систему ценностей.

Несмотря на все достижения истории искусства в написании женского характера, психология женщины в истории идей стала объектом анализа в прямом смысле слова лишь с конца XIX века. Хотя метод мышления, предложенный появившимся в то время фрейдизмом, оснащал культуру богатыми сведениями о женщинах, со временем он исчерпал себя. В XX веке возникли различные феминистские концепции, превратившие феномен женщины в предмет своего исследования, однако со временем и они, по причине эвристической узости, изжили себя. Вскоре свершился переход к формированию новых эвристических парадигм в феминизме. Заимствовав парадигму деконструкции у постмодернистов, феминистки обнажили скрытые цели всех философско-культурологических теорий, изблещив их косвенное служение патриархату. Именно парадигма деконструкции привела их к мысли, что теория не только отражает мир, то есть не выстраивает систему отсылок к мировым реалиям. Поэтому теории, созданные в рамках женского движения, должны быть динамичными инструментами, служащими цели женщин.

В диссертации отмечается, что корни феминизма восходят к либеральным идеям XVIII века. Со временем влияние социалистических идей в феминизме сформировало свою ветвь. Некоторые научные парадигмы повторяются во всех феминистских течениях. Учитывая эти универсальные

парадигмы, Эми Мазур пишет, что феминизм – это концепт, порождающий множество вопросов, дебатов, идейных вариаций, тактик и стратегий действий.³² Именно благодаря парадигмам, повторяющимся во всех ответвлениях феминизма, в каждом течении присутствует раскрытие женщины в правовой сети. Однако выделение приоритетов из этой совокупности прав, а также желаемые перспективы, на которые следовало бы проецировать эти права, различаются в течениях.

Предметом философской этики является нравственность или мораль. Означенная этика не ставит в качестве ключевой вопрос о власти, то есть в незначительной мере использует политический аппарат при проведении исследований по этике. Тогда как феминистская этика, усматривая скрытую причастность власти к морали, стремится разоблачить ее. Феминистки в принципе обмена идеями позаимствовали из постмодернизма парадигму деконструкции, и, основываясь на ней, «обнаружили» за ширмой моральных норм, воплощенных в возвышенной нравственности, такие репрессивные следы, как властвование над женщинами, закрепощение и угнетение их.

Продуктивность парадигм для нашего времени, произведенных в рамках либерального феминизма, довольно неоспоримый факт. Эти парадигмы способствовали составлению и изданию многих международных документов, созданию и развитию соответствующих институтов. Указанное течение является одним из важных факторов, расшатывающих патриархальные барьеры, которые препятствуют потокам глобализации. Из-за этой важности оно приобрело различных идеологических врагов в разных регионах.

Материалы, приведенные в диссертации, показывают, какие многообещающие перспективы открывают парадигмы либерального феминизма в женской проблеме. Вместе с тем эти парадигмы актуализируют новые вопросы о природе эгалитаризма. Среди них особую значимость приобретают

³² Mazur A.G. *Theorizing Feminist Policy* / A. Mazur. – Oxford; New York: Oxford University Press, – 2002. – s. 2

вопросы, связанные с позитивной дискриминацией, выдвинуты на передний план мужского стандарта в гендерном равенстве. В связи с этим можно сказать, что, например, позитивная дискриминация на парламентских выборах – выделение квоты женщинам не позволяет им развивать боевитость на политических выборах. Также в гендерном равенстве мужчина принимается за стандарт, эталон, а права женщины развиваются до тех пор, пока не достигнут этого стандарта. Феминистки же борются за мир, в котором отсутствуют гендерные эталоны, стандарты.

В диссертации также затронут феномен «исламского феминизма». С одной стороны, данное понятие подразумевает женское движение, зародившееся в мусульманском мире под влиянием либерального феминизма, охватывая при этом исследования, изучающие феминистские проблемы в исламском мире. С другой стороны, так называется движение, открывшее идеологическую борьбу с либеральным феминизмом в целях «защиты» мусульманского мира относительно женских проблем. Таким образом, результаты, полученные либеральным феминизмом, создают весьма сложную картину. Иными словами, они одновременно и разворачивают основную линию движения за свободу и эмансипацию женщин на Западе и на Востоке, и производят своих идейно-политических противников.

В исследовании также подвергнут разбору марксистский и социалистический феминизм. Социалистические феминистки первыми появились на исторической арене и в известном смысле были ровесницами либерального феминизма. Марксистские же феминистки, сгруппировавшись позже, предложили словно более эффективный путь к целям, которым посвятили себя социалистические феминистки: этот путь раскрывает парадигма «революционного мышления». Социалистические феминистки, действуя в левых партиях, боролись за экономическую независимость, здоровье, право на аборт и образование женщин. Однако, хотя это течение женского движения иногда строит свои рассуждения на

марксистских парадигмах, ему пришлось признать, что доминирование мужчин вытекает не только из социального неравенства, поскольку гендерное неравенство выходит за рамки классовых отношений. В этом смысле описание и объяснение отношений между мужчинами и женщинами в терминах классовых отношений является вульгарным подходом к вопросу. При рассмотрении парадигматической строгости марксистского феминизма и радикального феминизма, оказавшего под влиянием его парадигм, реформистский дух социалистического феминизма предстает как гораздо более мягкий метод и способ мышления.

Кстати, радикальные феминистки взяли теорию марксизма и заменили «пролетариат» на «женщину» и попытались показать угнетение, которому она подвергалась. Подобно Марксу, считавшему возможным развитие классового сознания благодаря объединению пролетариата, вышеупомянутые радикалы также ставили вопрос о развитии сознания женственности через объединение женщин.

В диссертации подробно излагается о деконструкциях, осуществляемых радикальными феминистками, о парадигме «переходной (транзициональной) истории», изучающей переход обычных женщин от одной стадии к другой, об эко-феминистских подходах, рассматривающих женские проблемы в согласии с экологической чувствительностью. В этом параграфе, повторно обращаясь к теории архетипов К. Юнга, излагается концепция Джин Шинод Болен, творчески применившая теорию Юнга в феминистском контексте. Новизна теории Болен заключалась в том, что она объявила всех важных богинь древнегреческой мифологии архетипами. В результате характер, психология и судьба этой богини составили характеристику соответствующего архетипа. Раскрытие Джин Боленом идеалов, энергии и функций женщин в культуре и социальном пространстве на основе архетипов способствовало схожим концептуальным поискам, превратившись в особую парадигму для феминисток. Ее теоретические рассуждения и

построения также открывают методологические перспективы для нашей следующей главы.

Четвертая глава, озаглавленная «Пути решения проблемы женщины в азербайджанской культуре и культурологическом мировоззрении», состоит из двух параграфов. В первом параграфе под названием **«Феномен женщины в азербайджанской культуре и различные формы его проявления»** исследуется постановка женской проблемы в разных историко-социальных пластах нашей национальной культуры, а также проясняются женские типы, выдвигаемые культурной средой.

Азербайджанская культура изначально воздвигалась на гендерных столпах. На многих исторических этапах азербайджанской культуры «женско-мужская парность» окрыляла художественные произведения, словно двойные крылья, служившие парению. Эту парность можно увидеть по бинарности в названиях эпических произведений: «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Варга и Гульша», «Фархад и Ширин», «Юсиф и Зулейха», «Асли и Карам» и так далее. По сути, эта гендерная спаренность демонстрирует, что поэты в основе мира видели единство женского и мужского столпов. Нельзя сказать, что армянская и грузинская литература изобилуют подобными произведениями. Параллели с азербайджанской литературой можно обнаружить в Европе лишь в таких произведениях, как «Ромео и Джульетта», «Тристан и Изольда».

В диссертации также изложено наше мнение о стремлении Низами Гянджеви в поэме «Искандер-наме» на примере царствования правительницы Барды Нушабы создать альтернативный феминный (женский) общественный строй. На наш взгляд, неудовлетворенность Низами и его современников существующим обществом породила интерес к моделированию совершенно другого общества по своему типу. Это было возможно еще и потому, что патриархальная среда в Азербайджане не могла низвести женщину от идеала и уважения на уровне возвышенной культуры. Согласно нашим выводам,

возражения Низами против мира людей, недовольство несправедливыми социальными и политическими порядками этого мира обусловили конструирование утопического царство Барды в качестве привлекательного образца по принципу «нахождения идеала в другом». Вообще, неудовлетворенность существующим состоянием общества в Азербайджане привела к противопоставлению патриархальному (мужскому) миру, воспринимающему как воплощение социальных пороков, мира женщин, который представлялся идеальным обществом, свободным от означенных изъянов. В этой ситуации активизировалась женский столп общества, выявивший множество женских образов и типов.

В средневековой азербайджанской ментальности мы видим трансформацию архетипа Артемиды в образе Нушабы и ее женских вельмож, и трансформацию архетипа на примере Айши и Фатимы. Следует сказать, что еще одним проявлением архетипа Артемиды является Банучичек в «Китаб-и деде Горгуд» («Книге моего деда Коркуда»).

В исследовании отмечается, что в азербайджанской культуре женщина во всех своих проявлениях рассматривалась как важное смыслопорождающее существо, т.е. как субъект, осуществляющий семиозис. Важная часть средневековой поэзии построена на напряженности и беспокойстве, созданных возлюбленной, представленной метафорой «губительница» (бедствие, «афет»). Дело в том, что шариатская женщина ни в коем случае не могла быть источником семантического богатства, вдохновлявшего поэта. Ее верность и репутация не могли возбудить ревность, поэтому не вызывали проблемы и инциденты. Именно «губительница» была способна подстегнуть мусульманское лирическое воображение на создание поэтических жемчужин. Интересно, что именно в мусульманской поэзии воображаемая лирическая женщина, противопоставляемая типу шариатской женщины, смогла превратить беду в синоним красоты. Вообще в классической поэзии женская красота рождает такую семантическую

ситуацию, которая актуализирует острый антишариатский афоризм.

В исследовании, также затрагивающем творчество Насими, возлюбленная характеризуется как главное порождающее начало, начало семиозиса, эмоционально возбуждающее мир и религию в экстатическом сознании поэта, семантизирующее их. В «Лейли и Меджнун» Физули любовь к Лейли придает, в качестве семиозиса, мировым событиям особый смысл и раскрывает их в ракурсе скорби и печали.

Вообще в классической поэзии безумная любовь очищала плотскую природу любви, переориентируя ее в сакральную сферу. В подобной любви женщина также приобретала сакрально-трансцендентные черты и характеристики, воспринимаемые в мистическом смысле.

Ссылаясь на теорию архетипов, мы можем утверждать, что «санам» (идол) и «афет» (бедствие) в азербайджанской классической поэзии соответствуют греческим антипатриархальным архетипам богинь, таким как Афродита и Афина. Вообще в классической поэзии женщина предстает не как представительница прекрасного пола, которая подчиняется мужчине и правит его домом, а в метафизической сущности. Метафизикация женщины в поэзии суфизма достигала такого уровня, что мета-красота всего мира, сотворенного Богом, воплощалась в женской красоте. Именно женская красота как бы служила вербальными средствами и символами описания красоты природы и даже Бога. Более того, мусульманская поэзия значительно переработала и образ мужчины, считавшийся примерным для шариата, ибо влюбленный, потерявший волю из-за любви к женщине, погрязший в мирской печали и даже пожертвовавший своей религией и верой подобно шейху Санану, отнюдь не являлся тем человеческим образом, предусмотренным идеалом шариата.

Вообще классическая поэзия демонстрирует удивительные конверсии в гендерном плане. С одной стороны, подвергаются феминизации психологический портрет, и даже физический облик возлюбленного. С другой стороны, когда поэты пишут о

любви, они используют лексику и метафоры влюбленных. Удивительно то, что все это находится в глубоком противоречии с созданной шариатом моделью мира. Однако нигде не зафиксирована открытая вражда и борьба между шариатом и классической поэзией. В Средние века шариат и классическая поэзия сосуществовали параллельно, бок о бок.

В XVIII-XIX веках ашугское стихотворчество и поэзия обнаружили положительный женский архетип в новой для азербайджанской ментальности системе временных координат: чувства возлюбленного и возлюбленной снова стали физическими. В советское время в прозу и стихи в качестве литературных образов привлекались не шариатские женщины, а типы женщин, соответствующие азербайджанскому менталитету. Для искусства этого времени позитивными женщинами становились верные, умные, порядочные дочери, сестры, жены и матери (архетипы Деметры, Гестии). Против этих женских типов ставились вульгарные типы женщин – завистницы, интриганки, склочницы, сплетницы. Советская идеология возводила пропаганду и выдвижение эмансипированных женщин на уровень идеологической задачи. В советском эмансипирующем дискурсе модернистские стремления удивительным образом наслаивались на позитивное наследие традиционализма. Можно даже говорить о своеобразном симбиозе этих двух тенденций. В этом смысле, как мы уже подчеркивали, женщина освобождалась от покорного и зависимого состояния прежнего религиозно-гендерного миропорядка и включалась в общественную жизнь как активное социальное начало. Но при этом она продолжала нести возвышенные этические качества традиционного общества, не превращаясь в человека эпохи пост-морализма.

Под влиянием реализма в азербайджанской советской литературе каноничность женских портретов и характеров претерпели значительные изменения, а романы и рассказы, в которых отсутствовали бы женщины среди главных героев, стали редкими художественными явлениями. Таким образом, либо они задавали направление сюжету своими различными

поведениями, либо же сюжет диктовал им новые модели поведения. Вместе с тем отмечается, что, хотя для эмансипации женщин в советский период были созданы значительные социально-правовые условия, женская проблематика в литературе не имела той постановки и размаха, которые были свойственны западным феминистским теориям второй половины XX века. Как ни велась серьезная работа для женской свободы на государственном и культурном уровне в Советском Азербайджане, полностью ликвидировать патриархальные пережитки не удалось; поэтому не обошла их стороной и литература. Литература 1960-х годов сосредоточилась на психологизме, чтобы освободиться от плакатности. В это время образ женщины становится намного богаче, как в психологическом плане, так и в плане разнообразия ее характера. В произведениях Анара «Белый порт» и «Шестой этаж пятиэтажного дома» Тахмина – европеизированная, но не растерявшая свою национальную идентичность и достоинства молодая женщина становится новым образцом для феминистских рассуждений.

Следующая после Тахмины феминистическая волна в новейшей литературе Азербайджана началась в конце XX века и достигла своего пика в XXI веке. В этот период наиболее интересный процесс происходил в своеобразном сообществе женских писателей. В него входили такие талантливые литераторы, как Гюнель Мовлуд, Гюнель Анаргызы, Севиндж Перване, Нармин Кемаль, Нурида Атеш. В XXI веке новое поколение в азербайджанской литературе и искусстве весьма смело приступило к женской теме, проявляя интерес к ранее нетронутым аспектам и при этом в известной мере модернизировав дискурс. Вместе с тем следует признать, что этому поколению не хватало талантов и сил, чтобы проводить тонкие и изысканные психологические исследования, погружаясь в глубинные слои женской души.

Во втором параграфе под названием «**Методологические перспективы исследований женской проблематики в современной азербайджанской науке**» рассматривается путь,

пройденный Отечественной гендерологией, равно как и ее научно-теоретические возможности. При этом обобщаются существующие проблемы в указанной области.

В первую очередь отмечается, что глобализация – это не только широкое и легкое, беспрепятственное проникновение информационного потока в самые затаенные уголки мира, но и повальное распространение одежных стандартов, эстетических и интеллектуальных ценностей. В этой ситуации научные инновации передовых наций и цивилизаций выполняют функцию поощрения отстающих по принципу привлекательности. При этом мы исходим из той предпосылки, что свобода и права женщин в Азербайджане не являлись полностью результатом внутреннего прогресса культуры. Поскольку экономические и другие институциональные составляющие культуры даже не создавали спроса на женскую рабочую силу и женские интеллектуальные ресурсы, чтобы, как в Европе, сложился социальный заказ на эмансипацию женщин.

Следует учитывать, что продвигаемый идеологами модернизации в Азербайджане европеизм касался не только образа жизни. Они также превратили европейский рационализм, теории и просвещенные парадигмы в интеллектуальную моду в своей стране. В этом вопросе особая роль принадлежала Агаоглу, который учился и жил в Париже и сформировался как ученый и публицист в парижской среде. Таким образом, начиная с XIX века в рамках общих процессов модернизации или европеизации, в Азербайджане пробудился интерес к женской проблематике, а научное влияние из Европы усилило знакомство с научными идеями, связанными с женщинами.

К первым годам независимости в азербайджанской науке свойственный социалистическому феминизму антипатриархальный гнев дал полноценные результаты. Эти результаты даже сформировали отдельную тему в литературоведении с момента создания произведений в искусстве, посвященных разоблачению угнетения женщин. Таким образом, критика и литературоведение сосредоточились

на образе женщины в азербайджанской литературе и проблемах изображения угнетения женщин.

При этом следует признать, что в советской идеологии национальные своеобразия вовсе не отвергались как опасное идеологическое заблуждение; национальное безразличие было даже объявлено буржуазной чертой под названием «космополитизма». Самые разнообразные сферы советской культуры, в том числе литература и искусство, действовали на основе принципа «национальное по форме, социалистическое по содержанию», что означало единство национального и интернационального. Вместе с тем в советской науке и культуре Азербайджана с самого начала существовало, рядом с национальностью, предостережение о «национализме». Эпитет «буржуазный» делал это предупреждение еще более скандальным. Вот почему национальное не должно было выходить за рамки, заданные интернационализмом. Если перевести этот тезис на феминную или гендерную лексику, то получалось следующее: при рассмотрении угнетения конкретной азербайджанской женщины или ее борьбы с этим угнетением нельзя было заменить классовый аспект угнетения и борьбы с ним биологическими или иррациональными соображениями.

Также в советской научной среде попытки изучения женского мира вне контекста классовой борьбы, социального и культурного угнетения, просто ради науки осуждались как проявление «буржуазного феминизма». Поэтому, в отличие от Запада, в науке советских национальных республик смелые идеи относительно женщин вне марксистско-ленинских канонов с трудом пробивали себе путь. Азербайджанская наука частично обрела такие возможности лишь во второй половине 1980-х годов, в период Гласности, а полностью – в период Независимости.

Азербайджанская советская наука к моменту провозглашения независимости обладала мощной базой знаний. Вот почему гендерные семена, привнесенные с ветрами глобализации, легко дали ростки на почве Азербайджана. Во

второй половине 90-х годов прошлого века гендерология стала предпринимать свои первые шаги в Азербайджане. С 1998 года большую роль в изучении гендерных вопросов играет отдел «Новые направления философии и гендерные исследования» Института философии и политико-правовых исследований НАНА. Статьи многих ученых-гендерологов, таких как Зумруд Гулузаде, Али Абасов, Рена Мирзазаде, Елена Гасымова, снабдили культуру более или менее последовательными примерами использования гендерных парадигм, содержащих новые идеи и ракурсы. Именно вследствие этого в нашей современной культуре феномен женщины действительно стал одной из основ, задающих новые направления мысли в системе гендерных парадигм. В отмеченный период также были созданы многочисленные НПО, занимающиеся правами и проблемами женщин, которые реализовывали различные программы.

В параграфе также отмечаются важные недостатки проводимых в нашей стране гендерных исследований. Например, часто в качестве предмете подобных исследований подразумевались не межполовые отношения, а различные проблемы исключительно женщин. Иными словами, гендерология выступала синонимом женских исследований (феминологии). Тогда как при изучении культуры и мира чисто гендерные теории берут человека не в образе отдельного мужчины или женщины, а в единстве означенных полов. У нас же лишь в некоторых исследованиях затрагивается и мужской феномен, и то зачастую автор не может выйти за рамки общих представлений о мужчинах или женщинах.

Еще одним недостатком гендерных исследований в Азербайджане является то, что авторы в просматриваемых материалах выявляют, как правило, актом идентификации проблемы феминизма и отношений между мужчиной и женщиной, но в плане реконструкции и деконструкции не погружаются в более глубокие пласты.

Помимо этого, в наших гендерных исследованиях не изучаются осложнения, могущие возникать в культурах, сделавших женскую свободу приоритетом. Значит, тем самым

не раскрываются те меры, которые предпринимаются для предотвращения повторения подобных ошибок. Этот недочет делает гендерные исследования в значительной мере непрактичными в нашей стране. Исследования азербайджанских гендерологов приобретут особую ценность, если они смогут смоделировать ситуации и испытания, которые принесет в нашу национальную культуру расширение женской свободы

В наше время наблюдается известная безыдейность по отношению к молодежи, рассматриваемой в гендерных отношениях. В этом смысле вырисовывается еще один серьезный недостаток гендерных исследований в Азербайджане, связанный с невозможностью ответить на вопрос «что нас ждет в будущем». Современные азербайджанские теоретики, занимающиеся указанной проблематикой, испытывают порою беспомощность в создании образа потребного будущего.

Показано, что основной целью некоторых исследований является защита тезиса о том, что права человека (которые эпоха Модерна установила гораздо позже – в XIX и XX веках) изначально присущи исламской среде. Такое положение, вполне сочетаясь с течением исламского реформизма, в значительной мере связано со стремлением устранить или смягчить архаичные и откровенно патриархальные установки ислама. Однако нам следует отметить, что не так много азербайджанских теологов, которые пытаются совмещать права человека с исламом.

В параграфе были проанализированы некоторые теоретические построения профессора Али Абасова, одного из первопроходцев гендерных и феминистских исследований в Азербайджане. Али Абасов в своих рассуждениях выражает надежду на очищение мужчин от таких негативных притязаний, как агрессивность и гегемония благодаря сильному влиянию женщин в гендерной системе. В этом смысле он прогнозирует, что сформировавшийся в результате гендерного развития «нормализованный» и «синхронизированный» с женщиной мужчина не будет уже представлять угрозу новому типу культуры и мировоззрению, научному мышлению. В этом смысле гендер привнесет в науку новое дыхание.

В последнее время новым в феминистических исследованиях является то, что женщина, очевидная с гендерной призмы во всех важных культурных событиях, стала рассматриваться одновременно и как колебательное начало семиозиса, и как существо, диктующее новые модели культуры, и как агрессивный, грозный субъект, символизирующий опасность феминизма.

За прошедшие годы XXI века усиление феминизма и распространение гендерных парадигм, популяризация гендерных идей в прессе по-своему содействовали антифеминистским идеям. В поэзии Сабира антифеминистские идеи высказывались суверенными персонажами. В XXI же веке, похоже, популяризация феминистских идей породила интеллектуалов, которые являются антиподами этого идейного течения и вступают с ним в полемику. В прошлом веке уважительное отношение к женщине, сформировавшееся под влиянием модернизации и значения, придаваемого женщине в советской идеологии, было тотальным, поэтому дискурсы женоненавистничества озвучивались отрицательными персонажами художественной литературы. В жизни же подобные изречения обычно были в ходу среди консервативных, реакционных лиц. В XXI веке антифеминистские высказывания о женщинах вдруг зазвучали из уст тех, кто представлялся прогрессивными, демократичными людьми.

В конце диссертации отмечается, что, сколько бы мы ни говорили о недостатках исследований феминизма в начале XXI века, должны признать, что мысли и представления, вытекающие из того, что женщина является источником семиозиса, важным фактором культурной модели, распространяясь в самые разные области современной азербайджанской культуры, способствуют превращению ее в культуру именно XXI века. Азербайджанская культура и феминистская мысль нового столетия ушли далеко за пределы XX века, притом как в науке, так и на практике.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, резюмируются общие положения гендерологии и феминологии, проанализированные нами на протяжении всего исследования, характеризуется генеративная функция культуры в семиотических процессах, представляются выводы культурологического анализа женской психологии в свете различных научных парадигм XX-XXI веков, показываются общие формы проявления женского феномена в азербайджанской культуре, приводятся результаты по женским и гендерным исследованиям в современной азербайджанской науке.

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие работы:

1. Mədəniyyətdə dinamika və generativ semantik proseslər. Beynəlxalq konfrans materialları// “Qloballaşma şəraitində kulturoloji innovasiyalar və sosial-mədəni inkişaf. - Təknur. – Bakı. XXVI. – pp 388-391.

2. Mədəniyyətin sərhəd dəyişmələrində qadın fenomeninin rolu. Mədəniyyət dünyası, ADMİU. – Bakı. – 2013. – XXVI burax. – pp.32-37.

3. Şəriət dünyasının qadını və klassik poeziya qadını. – ADMİU. – Bakı. – 2013. – XXX burax. – pp 14-19.

4. Gender və mədəniyyət (proqram). Bakı. Azərbaycan Respublikası Təhsil Nazirliyinin 29.05.2014-cü il tarixli 658 sayılı əmri ilə təsdiq edilmişdir. – 2015. – 18 p.

5. Qadın problemlərinin kulturoloji araşdırmaları. Beynəlxalq konfrans materialları// Peoples of Eurasia: History, culture and interaction problems. Materials of the VI international scientific conference on Prague, April 5-6, 2016, – pp.88-92.

6. Universal və milli ənənələrin dəyişən proyeksiyalarında qadın semiozisi. Sənət Akademiyası, – Bakı. – 2016, №1(1). – pp.160-164.

7. Mədəni situasiya və gender problemləri. – ŞÖMBA. – Bakı. – 2016, №1(1). –pp. 228-234.

8. Tarixi prosesdə türksöylü dövlətlərdə qadının yeri və rolu// I Türkoloji Qurultayın 90- illik yubileyinə həsr olunur //XV beynəlxalq elmi-praktik konfransın materialları, – Bakı. – 2016. – pp.316-319.

9. Ortak kültürel dəyərlərin gelişimində Azərbaycan ve Türkiye kadınlarının rolu ve yeri. Akademik Sosyal Araştırmalar Dergisi, Turkey. – 2016. 4-Sayı 27. – pp.76-82

10. Qadın və kişi münasibətlərində makro və mikrokosm proyeksiyaları. ŞÖMBA, – Bakı. 2016 №2 (12). – pp.133-140.

11. Kültürdən yansıyan gender (cinsiyet) dünyası. Akademik Sosyal Araştırmalar Dergisi, Turkey. –2016. 4-Sayı 35. – pp.114-120.

12. Azərbaycan mədəniyyətində qadın fenomeninin mədəni müxtəlifliyi// Multikulturalizm konsepsiyasının sosial-fəlsəfi və mədəni əsasları” mövzusunda respublika elmi-nəzəri konfransın materialları. –Bakı. – 2016. – pp. 30-33.

13. Kültürün gelişmesinde Azərbaycan ve Türkiye kadınlarının rolü. Türk dünyasında kadın algısı. Manisa Celal Bayar Üniversitesi Yayınları, Manisa. – 2016. – Yayın No: 0017. – pp. 597-603.

14. Karl Yunqun arxetiplər nəzəriyyəsinin Jan Şinoda Bolen tərəfindən tətbiqi. Mədəniyyət dünyası, – ADMİU, XXXII burax. – Bakı. – 2016. – Pp.6-12

15. Feminist qadınının psixoloji portreti// Müqayisəli ədəbiyyatşnaslığın aktual problemləri elmi-nəzəri konfransın materialları, – Bakı. – 2017. – Pp.227-233.

16. Qadın kulturoloji fenomen kimi və “contradiction in contrarium” metodu. – ŞÖMBA, – Bakı. – 2017. – pp134-141.

17. Azərbaycan mədəniyyətində qadın fenomeninin təzahür müxtəlifliyi. Türksöylü xalqların musiqi mədəniyyətinin tədqiqi. – 2017. XVI. – Pp.255.269.

18. Ailə və ailə həyatı - feminist baxışlarda. Qobustan, “Sənət toplusu”, – Bakı. – 2017, № 1. – Pp.70-73.

19. Ermənistan Azərbaycana qarşı hərbi təcavüzü zamanı əsir və itkin düşən, ağır işgəncələrə məruz qalan və öldürülən qadınlar barədə// Qafqazşünasların I Beynəlxalq Forumu, – 16-17 April. – Bakı. – 2017. – Pp.107-112.

20. Müxtəlif mədəniyyətlərdə qadına münasibət. Mədəniyyətə. Jurnalı, – Bakı. – 2017. may-iyun (313). – Pp.66-69.

21. Müasir Azərbaycanda qadın fenomeni tədqiqatlarının metodoloji araşdırmaları. Elmi əsərlər ADMİU. – 2017, № 23. – Pp.6-14.

22. İctimai fikir tarixində qadına münasibət. Sənət Akademiyası –Bakı, № 13. –2017. – Pp.73-80.

23. Проблемы нравственности в современной культуре// I международная научно-практическая конференция «Духовность и современная культура. Истоки, вызовы, перспективы». Санкт-Петербург. –2017, 24 марта –.pp. 140-148.

24. Из истории психоанализа женщин и его культурологическое. Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка, Тернопіль. – Випуск 37. – 2017. – Pp.236-242.

25. Azərbaycan tarixində ilk qadın təşkilatı-Bacılar. Sivilizasiya jurnalı, –Bakı Avrasiya Universitetinin nəşri. – cild 6, № 3. – Bakı. –2017. – pp.12-17.

26. Elm və irfan sahibi olan Azərbaycan qadınlarının mədəni fəaliyyətinə tarixi baxış. Gənc alimlərin əsərləri, – Bakı. – 2017, № 15. – Pp.122-127.

27. Gender problematikasının Azərbaycan kulturologiyasında yeri// Gender Problemi və Müasir Azərbaycan” respublika elmi konfransının materialları. Azərbaycan Universiteti. – Bakı. – 2017. 25 Noyabr, – pp141-146

28. Kulturoloji düşüncənin matriarxat və patriarxat tipinə görə təhlili. Gənc alimlərin əsərləri. – Bakı. – 2017, № 16. – Pp.97-102.

29. Гендерный мир сквозь призму культуру. Українська культура минуле сучасне шляхи розвитку науковий збірник. Напрям:Культурологія. – Випуск 25. – 2017. – Pp.104-107.

30. Parmenidin məntiqi düşüncələrindən gender münasibətlərinə baxış. Turizm və qonaqpərvərlik tədqiqatları (Tourism and hospitality studies) Beynəlxalq jurnal. – Bakı. – 2018. – 7/say 1 – Pp.223-229.

31. Azərbaycan mədəniyyətində qadın fenomeni. Monoqrafiya ADMİU-nun mətbəəsi. – Bakı. – 2018. – 276 p.

32. Gender dünyası mədəniyyətin müxtəlif modellərində. Monoqrafiya, “Azbukı” nəşriyyatı. – Bolqariya. – 2018. – 64 p.
33. Qadın psixologiyasında feminizm rezonansı. Qərbi Kaspi Universiteti Elmi xəbərlər ictimai və texniki elmlər seriyası. –2018, № 1. – Pp.158-164.
34. Женщина в культурно-социальном контексте различных обществ// Диалог двух культур востока и запада через призму единства и многообразия: древний мир, средневековье, новое и новейшее время, – Алматы, Екатеринбург, – 2018, 30 марта. – pp.19-25.
35. Моральна криза і порятунок жінок (The moral crisis and salvation of women). –Культура України (Cultur of Ukraine) Збірник наукових праць (Scientific Journal) Харків, ХДАК. – 2018, № 60. –pp.125-133.
36. Культурный феминизм и материальной право. Казахский Национальный Университет имени Аль-Фараби Вестник. серия философии, серия культурологии, серия политологии. – 2019, № 4(70). – Pp.28-35.
37. Роль женщины в современной культуре Азербайджана. Молодий вчени. – 2020, № 3(79). – Pp.79-84.
38. Гендерные отношение социокультурном плане в Азербайджане. Вопросы истории. – 2020. – 5 (2). – Pp.170-177.
39. Nizami Gəncəvi yaradıcılığında gender münasibətləri// N.Gəncəvinin anadan olmasının 880 illiyinə həsr olunmuş beynəlxalq elmi konfransın materialları, – Bakı. – 2021, 25-27 noyabr. – Pp.225-226
40. Культурологический аспект женского мира в семиотике. Вестник АГУ. – 2021. – 4 (289). – Pp.205-213.
41. Концепт «женщина» в мировой культуре. Траекториâ Nauki = Path of Science. – Vol. 8, No 1. – 2022. – Pp.6001-6005
42. The embodiment of the feminine issue in cultural models. Ad Alta Journal of interdisciplinary research. – 2022. – 12/01-xxv. – Pp.298-302.
43. Воплощение женского вопроса в культурных моделях. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. –2022, № 4. – Pp. 6-11.

44. Scientometrics analysis of the academic activities of the Azerbaijan State University of Culture and Arts in 2021-2023 (Some specific features of the activity). Журнал социальных наук Technium (ISSN: 2668-7798). –2022. – Vol.35. – pp.224-231.

Защита диссертации состоится 24 января 2025 года в 11 на заседании разового Диссертационного совета действующего на базе ВЕД 2.35, созданная на базе Диссертационного совета FD 2.35 Высшей Аттестационной Комиссии при Президенте Азербайджанской Республики, действующий на базе Азербайджанского государственного университета культуры и искусств.

Адрес: AZ1065, город Баку, Ясамальский р-н, пр. Иншаатчылар, 39.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Азербайджанского государственного университета культуры и искусств.

Электронная версия диссертации и автореферата размещена на официальном сайте Азербайджанского государственного университета культуры и искусств.

Автореферат разослан по соответствующим адресам 20
декабря 2024 года

Подписано в печать: 18.12.24

Формат бумаги: А5

Объём: 97012

Тираж: 20